

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

УДК 94(47)"18/19":930.2
ГРНТИ 03.23. История России

**«...Я вышла замуж за любимого...»
Мемуары О.М. Меницкой-Зоммар (01.03.1874–31.01.1967)**

Публикация,
комментарии и вступительная статья
В.В. Каминский, В.А. Веременко

Мемуары О.М. Меницкой (Зоммар), жены выпускника Академии Генерального штаба (АГШ) и военспеца РККА И.И. Меницкого, рисуют нам широкое полотно повседневной жизни русского офицерства периода последней трети XIX – начала XX в. вообще и офицеров Генштаба в частности. Из мемуаров можно узнать, как росли и воспитывались будущие офицерские жены, каковы были нелегкие условия материальной жизни офицерских семей с их постоянными перемещениями с места на место по долгу службы и высокой смертностью детей, равно как и некоторые аспекты обучения офицеров Русской императорской армии (РИА) в АГШ, трудности воспитания офицерских детей и т. д.

Ключевые слова: девушка, жена, муж, офицер, ребенок, поместье, воспитание.

**“... I was married to a loved one ...”
Memoirs of O.M. Menitskaya-Zommar (01.03.1874–31.01.1967)**

Publishing, comments and introductory article
V.V. Kaminsky, V.A. Veremenko

Memoirs of O. M. Menitsky (Zommar), wife of graduating student of Academy General Staff (AGsH) and military specialist of Red Army I. I. Menitsky draw wide line of everyday life of the Russian officer of period of last one third of XIX of century to us – XX of century began in general and officers of general Staff, in particular. It is possible to know from memoirs, as future officer wives grew and brought up, which heavy terms of material life of officer families were with their permanent moving about duty-bound and by the high death rate of children, equal as and some aspects and details of educating of officers of Russian Imperial Army (RIA) in AGsH, difficulty of education of officer`s children etc...

Key words: child, education, girl, husband, manor, officer, wife.

Более года назад на сотовый телефон одного из составителей настоящей публикации В. В. Каминского раздался звонок, и мелодичный женский голос сообщил следующее: «Здравствуйте, я – правнучка Иосифа Меницкого, который упоминается в Вашей книге. Я сейчас нахожусь в книжном магазине и держу ее в руках...» Так В. Каминский познакомился с Алисой Меницкой, проживающей в г. Хайфа (Израиль) – праправнучкой генерал-майора Иосифа Ивановича Меницкого, служебная занятость которого в Рабоче-крестьянской Красной армии и частично в Русской Императорской армии действительно была упомянута в монографии автора этих строк [1, с. 570].

Алиса Меницкая предоставила в полное распоряжение В. Каминского, с правом публикации (а это весьма ценно для всякого исследователя) воспоминания своей прабабушки Ольги Михайловны Меницкой (Зоммар) – супруги Иосифа Меницкого. В то же время двоюродная сестра Алисы, Наталья Меницкая, проделала весьма непростую работу, переписав мемуары О.М. Меницкой в удобочитаемой современной форме – в компьютерной печатной программе word. Обеим сестрам Меницким авторы настоящей публикации выражают свою благодарность.

Ольга Меницкая, как можно заключить из рукописи ее мемуаров, родилась 1 марта 1874 г. (1)

Предлагаемая вниманию читателей рукопись мемуаров О.М. Меницкой-Зоммар отражает широкий спектр повседневной жизни сразу двух поколений русского офицерства: Ольга Меницкая (Зоммар) была дочерью русского генерала, а потом и сама вышла замуж за русского офицера.

Ольга Михайловна в своих мемуарах рассказывает практически обо всем, что касалось будней повседневной жизни офицерской семьи конца XIX – первой трети XX в. О социальном статусе русского офицерства – выходцев из дворян, которые к исходу XIX столетия если и владели помещичьими усадьбами, то это была уже только дань прошлому, но никак не источник дохода: «Решили продать его, т. к. там была одна земля, в аренде у крестьян» (имение, данное ее матери в приданое), «имение было благоприобретенное, не наследственное» (про купленные отцом Стрелицы). И далее: «родители мои были культурные, гуманные люди, никогда не знавшие крепостного права и не имели в прошлом "рабов". К окружающему крестьянству относились с добротой, помогали и выручали без процентов, а как добрые соседи». О мытарствах офицерских жен, которые мотались вместе со своими мужьями по гарнизонам («...и вот поехали родители в далекую Сибирь...»). И самой Ольге Михайловне где только не приходилось жить, следуя за своим мужем, который был военным: Двинск, Петербург, Бобруйск, Вильно, Витебск, опять Вильно. Далекое не сладкой была жизнь и у семейных обер-офицеров, поступивших на учебу в Никола-

евскую академию Генерального штаба (далее – АГШ). О.М. Меницкая пишет: «Зажили мы в Петербурге (после поступления ее супруга Иосифа Меницкого в АГШ в 1895 г. – В.К., В.В.) на плохой квартире – сырой, холодной с большой бочкой воды (без водопровода), со скудной, казенной охапкой дров. Дворник грубый скидывал их с грохотом в кухню и приносил 2 ведра воды». О. Меницкая рассказывает и о продвижении офицеров по службе и связанных с этим изменениях жизненных условий их семей («...в 1876 г. отец получил повышение и назначение в г. Варшаву и квартиру при генеральном штабе... В Варшаве у нас была большая казенная квартира из 5 комнат, кухни с антресолями, коридором и передней»), о рождении, жизни и нередко, увы, ранней смерти детей русских офицеров, и как этот факт влиял на жизненный уклад («Потеряв двух детей, отец решил купить небольшое имение, чтобы сохранить двух оставшихся – меня и Соню..., думая, что деревенский воздух укрепит нас»). У самой мемуаристки за годы брака с И.И. Меницким (1892–1927) родилось, по крайней мере семеро детей, но троих она потеряла (плюс один аборт). Складывается стойкое впечатление, что ни муж, будущий brave генерал-майор И.И. Меницкий, ни сама Ольга Михайловна отнюдь не заботились о ее женском здоровье: «третий ребенок, а мне всего 21 год, и я истощенная». Она пишет и про денщика своего отца, «солдата Алексея», который нес ее на руках домой, когда она потерялась, и про пьяницу-повара, и про «няню Каролину, которая скоро уехала обратно в Варшаву, где ждал ее жених – писарь папиного штаба», и про свою нелегкую учебу в гимназии, равно как и про досуг офицерских семей, например, в Вильно в конце XIX столетия [2, с. 2, 4, 6, 8–10, 13, 18, 25–30, 51–52, 73, 79–80, 82, 84, 89–93].

Вырастая в семье военного, молодая девушка, похоже, и не мыслила для себя в качестве спутника жизни иной пары, кроме молодого статного русского офицера. Неслучайно она с таким восторгом пишет о своем будущем муже: «Иосиф Иванович Меницкий был красивый, высокий, цветущий человек 28 лет, любящий книгу и собиравшийся идти в Академию Генерального Штаба... Был жизнерадостный любимец товарищей, девушек и дам. Высокий, сильный, веселый, добродушный, опрятный. Одним словом приятный, не такой как другие, неуклюжие, маленькие, в танцах такие потные, некоторые пожилые. Я чувствовала к пожилым отвращение и боялась таких ухаживателей...». И тут же звучит подлинное откровение верной офицерской жены: «Я вышла замуж за любимого ...глубоко любила всю жизнь своего бедного, но умного и бережливого мужа, разделяя бедность, радости и горе» (курсив наш – В.В., В.К.) [2, с. 58–59, 61, 68, 74]; равно как и гордость за любимого мужчину, который доказал своей жене, что он не ниже ее обожаемого отца!: «В 1895 году осенью Иосиф уехал в Петербург держать экзамены в Академию Генерального Штаба. Выдержал

их с честью, чем доказал моему отцу и сослуживцам свою силу и способности. Главное конечно настойчивость и прилежание...». И далее, на ту же тему: «Дела у мужа в академии шли отлично – зимой в Петербурге летом в окрестностях на съемках, с массой карт, в которых и я помогала. Они были такие огромные, что мы чертили и раскрашивали их лежа на полу. При моей помощи он овладевал постепенно обоими иностранными языками – французским и немецким. ... Мой отец радовался, что пошли по его стопам в ген[еральный] штаб. Про меня говорил: "генеральшей будет"» [2, с. 80–81, 86].

И наконец, признание, как бы подытоживающее всю жизнь жены русского офицера, ставшего при советском режиме «специалистом красного Генштаба»: «Все хорошо шло и удачно в нашей жизни до революции. Чины, ордена, успехи на японской, на первой отечественной войне и даже на гражданской (3 года), затем демобилизация по возрасту, почет и уважение, служба преподавателя в высших гражданских учреждениях пока, после 35 лет сожителства в любви и дружбе, он живя в Пскове (я с семейством в Стрелицах), не желая признать себя стариком, и живя в Пскове одиноко не захотел испытать вторую молодость, не влюбился в молодую женщину тунеядку» [2, с. 86–87].

В этом признании, кроме прочего, видны не только итоги нелегкой жизни с военным, но и естественная обида отвергнутой женщины, а главное – трагедия всей семьи: ведь явно не от хорошей жизни, но по крайней материальной необходимости и нужде бывший царский генерал Иосиф Иванович Меницкий, видимо, после «демобилизации по возрасту» из Красной армии должен был оставить семью в Стрелицах и жить в Пскове отдельно, ибо в этом городе имелась для него работа.

Рукопись мемуаров О.М. Меницкой-Зоммар насчитывает 96 страниц текста, написанного синими чернилами на листах в клеточку, видимо, вырванных из простой ученической тетради. Однако в правом или левом верхнем углу листы пронумерованы.

Дата написания мемуаров требует отдельных пояснений. Хотя на заглавной странице мемуаров проставлен «1936 год», историческая достоверность этой даты, как срока написания публикуемого документа вызывает сомнения, прежде всего потому, что в самом тексте мемуаров имеются вкрапления более поздних дат и событий (2). Этот последний факт, равно как и наличие фрагментов текста, написанных (порой даже на одной и той же странице) разными оттенками чернил (один более блеклый, другой – поярче), либо текст, написанный несколько другим почерком. Все это доказывает, что Ольга Михайловна писала свои воспоминания не в одночасье, но в несколько приемов и порой со значительными временными перерывами (3). По всей вероятности, О.М. Меницкая (Зоммар) начала писать свои мемуары не ранее 1958 г., но и не позднее 9 февраля 1959 г. Этот вывод можно сделать на основе следующих фактов. Ольга Михайловна родилась в

1874 г. Касаясь времени своей учебы в гимназии (1883–1884 гг.), она пишет о смерти своей сестры и заключает: «теперь, когда прошло 75 лет с того времени я плачу, записывая это событие». В другом месте следует уже прямое указание не только на конкретную дату, но и на незаконченность процесса писания мемуаров: «(9-го февраля 1959 года мне исполнится 85 лет). Успею ли я написать и возможно рельефнее обрисовать эпоху, которую мы переживаем и пережили...[?]» [2, с. 46–48].

Из вышесказанного напрашивается простой вывод: *основная часть мемуаров О.М. Меницкой (Зоммар) была написана не в 1936 г. (как указано на титульной странице ее мемуаров), а в 1963 г. с позднейшими добавлениями за 1964 г., но не позднее 20 июля 1964 года.*

Главное значение публикуемых материалов заключается в том, что они позволяют нам окунуться в мир повседневной жизни отдельной офицерской семьи периода исхода XIX – начала XX столетий, и этот факт, сам по себе, тем более в условиях острого кризиса макроистории [3, с. 151–184], приобретает для современных исследователей весьма существенное значение.

Оригинал рукописи хранится в личном семейном архиве А. Меницкой. Настоящая публикация осуществлена в соответствии с правилами издания исторических документов. В случае явных ошибок / опечаток в тексте мемуаров в скобках даются примечания публикатора. Стилль и грамматика рукописи в основном сохранены (хотя пунктуация по возможности исправлена) за исключением грубых грамматических ошибок, которые авторами публикации исправлены по умолчанию.

**Тетрадь воспоминаний
Ольги Михайловны Меницкой (Зоммар)
1936 г. (4)**

- Внукам и правнукам-

Род наш, со стороны моего отца, идет от шведов по фамилии Соммар (по-русски переделана на Зоммер), значение одинаковое т. е. «лето». Род дворянский, из Ritter Hous. Потомок рыцарей.

По матери – тоже древнедворянский – Стремоуховых (5) и по дедушке Бизюкиных (6) (ее отец), напоминающих о татарской примеси от выходца Баши-бузука, еще при Иоанне Грозном.

Дед Соммар Карл Карлович, участник русско-турецкой войны и покорения Кавказа, жизнь провел на этой длительной войне, в походах. Женат был на девице Марии Антоновне Богдановой, проведенной, тоже с ним жизнь в походах, в кибитке, где и родила ему 4-х сыновей – Михаила, Виктора, Вениамина и Александра. В походах, трудах и лишениях, среди мужчин она стала мужественной, загорелой, выносливой и отрицательно относилась к прекрасному полу. Карл Карлович в от-

ставку вышел в чине полковника, купил домик в Выборге, а сыновей отдал в Петербурге в кадетские корпуса. Старших в первый кадетский корпус, а младшего-Александра в морской. Два старших Михаил и Виктор вышли в офицеры и Михаил (мой отец) потом окончил Академию Генерального Штаба (7). Виктор женился, получил назначение в Самарканд, где купил домик, имел много детей, но они мало жили, умирали в детстве. В живых остался лишь один Николай. Связь с ними была потеряна. Вениамин, третий брат отца, был почтовым чиновником, женился на неграмотной казачке, умер бездетным. Александр 2 раза бегал из Морского Корпуса и сделался бродягой из любви к похождениям, несмотря на большие способности и отличные успехи.

После смерти деда, Карла Карловича, бабушка продала домик в Выборге, и на долю моего отца приходилось 40 р. Он от них, конечно, отказался в пользу матери. Женился (28-ми лет), по окончании Академии, на моей матери, Софии Николаевне Бизюкиной, окончившей гимназию с золотой медалью. Была на Бестужевских курсах 2 года (8). Ее мать, Анна Дмитриевна Бизюкина, урожденная Стремоухова, была умная передовая женщина, окончившая Смольный институт, отлично знавшая немецкий и французский языки, много читавшая, культурная женщина. Ее рано выдала замуж ее мать, которая тотчас же вышла замуж второй раз. Она тоже была очень умна и красива. Ее звали Мария Николаевна, урожденная графиня Румянцева. ...[у] её дочери Анны Дмитриевны был бархатный контраalto. Она восхищала своими песнями и пела гостям и в гостях, где ее всегда ждали с нетерпением. 15 лет ее выдали замуж за 35-летнего Николая Дмитриевича Бизюкина (9). О нем я знаю мало. Есть его фотография во весь рост в ополченческой форме. Не знаю, для какой войны он формировал ополченцев. Вероятно для первой Турецкой. Он был большой женолюб, и у него было несколько детей на деревне. Это были дети крепостных и кормилиц его детей. Их было двое от жены Анны Дм[итриевны] – сын Дмитрий и дочь София (моя мать) об ней я уже писала выше.

Итак, София вышла за Михаила Карловича Зоммер, получившего назначение после окончания Академии в город Иркутск. Мать моя рада была дальнему назначению, т. к. мать ее Анна Дмитриевна любила красавца сына Митю, больше некрасивой дочери. И вот поехали мои родители в далекую Сибирь. Дороги тогда туда были плохие, передвижение утомительное, ехали на перекладных 6 недель. Мать страшно измучилась, т. к. переезды были без остановок верст по 40–50. В глубине Сибири лошадей брали прямо из степи, не объезженных и они сразу с места рвали и мчались весь отрезок 50 верст, что есть духа. Было страшно от такой бешеной скачки. Срок пребывания в Иркутске был дан на 3 года. Но наши так истомились и истосковались, что решили уехать хотя бы на свой счет оттуда. У них уже был сынок Всеволод. И вот прожив в Иркутске полтора года, они двинулись в Россию.

Сначала заехали к бабушке Анне Дм[итриевне], в Петербург. Прожив у бабушки, некоторое время в Петербурге, отец получил место капитана штаб-офицера по поручениям (10) в городе Гельсингфорс. Но лето мать с Всеволодом прожила у брата, в его имении Олисове (11). Там похоронила сына, умершего от дизентерии. Нянька-бурятка, вывезенная из Сибири, не верившая в докторов и диету, обкормила его красной смородиной (12).

Из Олисова (родовое поместье дяди Д.Н.) мама двинулась в Гельсингфорс, там вскоре родился у нее сын Петр, через полтора года я – Ольга, а через год и 2 месяца – сестра Соня. Я родилась раньше времени. Мать кормила меня только 3 месяца. Была я худа, бледна, малокровна, кудрявая, живая шалунья. В Гельсингфорсе у родителей жила мать отца Мария Антоновна и когда в 1876 году отец получил повышение и назначение в г. Варшаву и квартиру при генеральном штабе, мать его уехала к сыну Виктору в Самарканд. Там ей очень понравилось, и она там осталась жить. В Варшаве у нас была большая казенная квартира из 5 комнат, кухни с антресолями, коридором и передней. Мне было 5 лет, когда мы уехали из Варшавы, но я до сих пор помню план квартиры и саксонский сад, в который выходили наши окна. Каждый день мы ходили туда гулять. По воскресеньям там играла музыка, и мы смотрели, из венецианского окна нашей залы, на толпы гуляющей, нарядной публики. Помню как я в одно из воскресений, когда мы с сестрой Соней (еще на руках) были на музыке с нашей кухаркой (няня была выходная) (13). Я увидела в толпе подругу и кинулась к ней. Вернувшись, я не нашла своих и начала метаться в страхе, что я потерялась. Стало смеркаться, публика расходилась, зажгли фонари, я плача, кидалась из стороны в сторону. Наконец, какая-то женщина подошла ко мне и спросила почему я плачу. Рыдая, я сказала, что потеряла своих. Она взяла меня за руку и повела к выходу. У ворот в будке стоял городской. Он строго спросил, как меня зовут, и где я живу. Хорошо, что я знала, кто я и назвала свой адрес. Женщина проводила меня до главного штаба. На крыльце сидел наш денщик, солдат Алексей, и он на руках нес меня домой. За столом в столовой сидели папа и мама. Увидав своих, я еще больше разрыдалась, насилу меня успокоили и дали ложку клубничного варенья в утешенье. С трех лет я сама одевалась и вообще стала самостоятельной. Не любила чужих услуг и всегда кричала «сама; сама!». Брат Петя заболел и живого я его не помню. Он долго болел воспалением мозга и к весне умер. Помню его в гробу перед выносом из квартиры. Все прощались с ним, и нянька поднесла меня его поцеловать, я закричала в ужасе и ни за что не могла это сделать. Отец и мать уехали с гробом на вокзал, чтобы похоронить Петю в Олисове рядом с Всеволодом.

Потеряв двух детей, отец решил купить небольшое имение, чтобы сохранить двух оставшихся – меня и Соню..., думая, что деревенский воздух укрепит нас. Искать подходящее имение он поехал в Псковскую губернию, чтобы найти что-либо подходящее по своим средствам. На руках было только собственных 3 тысячи. Мама получила от бабушки маленькое сельцо в Порховском уезде в приданое (14). Решили продать его, т. к. там была одна земля, в аренде у крестьян, за гроши, без построек. Продав землю, отец получил за нее 15 тысяч. Со своими это составило 18 тыс. Решили искать имение недалеко от Олисова и могил детей. Отец нашел два продающихся – «Стрелицы и Желабово». Выбор пал на Стрелицы (15), расположенные на берегу красавицы реки «Великой». Отец любил текучую воду и считал, что ландшафт без воды лишен души и жизни. Дело было только за деньгами, и отец решил купить Стрелицы с переводом долга. Оно было заложено за 7 тыс., а продавалось за 25 тыс. Пришлось пойти на кабальные условия и принять на себя долг в 7 тысяч. Итак, имение было благоприобретенное, не наследственное (16). Родители мои были культурные, гуманные люди, никогда не знавшие крепостного права и не имели в прошлом «рабов». К окружающему крестьянству относились с добротой, помогали и выручали без процентов, как добрые соседи. Из Варшавы собрались в 1878 году сначала в Стрелицы только на лето. В поезде брала тоска и желание скорее доехать. В Острове (17) нас встретила крестьянская телега, запряженная разношерстными лошадьми, лохматыми одрами. 60 верст ехали целый день с остановкой и кормежкой на половине дороги. Наконец доехали до деревни Тиханово (18), расположенной визави Стрелиц через реку. На другой берег переезжали в долбленной лодке, обшитой по краям досками и просмоленной. Все-таки вода просачивалась в дно, в котором лежала решетка, чтобы не промочить ноги. Было жутко, и я цеплялась руками за няню. Няня у нас была еще из Гельсингфорса, финка Каролина. Она плохо говорила по-русски, так искажала слова, что трудно иногда было иногда уловить смысл. Но помнится, что она была добрая, работающая девушка и знала много сказок.

Первые впечатления от водворения в Стрелицах стерлись из памяти. Мы никогда раньше не были на даче и все радовало нас: простор, река, трава, деревья и общая радость свободы. Постройки были различной давности: жилой дом, длинный как сарай, каждая комната состояла из отдельной крестьянской избы, приставленной одна к другой, с наружной обшивкой досками. Затем флигель на берегу реки из 2-х комнат, посредине сени. Окна из обоих домиков выходили в сад, с листвой и ореховой аллеей. Над флигелем стояли огромные толстые старые ели, на одной было гнездо аиста, каждый год прилетавшего на него. Во флигеле остались на лето бывшие владельцы и их семья в числе 5 человек. Наша семья поселилась в первом доме из 6 комнат,

кухни, сеней и верандой с кладовушками и т. д. Дом был настолько ветхий, холодный, продувной, что родители не решились зимовать в деревне и уехали обратно в Варшаву. Взяли с собой повара, бродяжку, пьяницу, пришедшего в Стрелицы, ища места. Повар он был прекрасный и чудесный, преданный, аккуратный бережливый, честный, но запойный пьяница. Запой редко приходил к нему, но зато уж на недели 2–3. Трезвый это был золотой, незаменимый человек, на которого можно оставить и доверить всю семью. За доверие он платил не щадя сил. Запивал, или обидясь на что либо, или местные крестьяне соблазняли его, принося водку из под полы, т. к. зная его влияние на господ и желая выпросить что-либо, подкупали. А он по слабости своей не мог устоять перед соблазном. В жизни повседневной это очень серьезный человек, любящий почитать. Зимой он плёл сети, т. к. любил и очень удачно ловил рыбу. В «Великой» её было много. Особенно щук, мерён, налимов и масса раков. Ребятишки целый день плескались в реке и из-под каждого камня таскали их за спинку. Тащили на кухню и жарили прямо на плите, на которой несчастные подпрыгивали пока не становились красными. Кроме повара, в Стрелицах был садовник – немец – Август, управляющий с женой и сыном лет 12 – поляками, скотница, 2 работника, 1 работница. Женщины обе с детьми. У скотницы Анфимии было двое ребят: Аксинья девочка 7 лет и мальчик Митька 1,5 лет. У другой сын 7 лет Ваня. Дети приходили с нами играть на елку, им дарили одежду и мы делились гостинцами. Они выросли у нас.

Зимой, в Варшаве, меня отдали в детский (частный тогда) сад (19). Начальница была хороший, добрый гуманный человек, педагог от природы. Были две руководительницы – немочка-куколка и француженка. Мы играли, играя учились читать, петь на немецком и французском языках песенки, учили стихи, плели из полосок бумаги корзиночки, закладки, клеели и т. д. Делали гимнастику и большие прогулки в «Лозняки», знаменитый сад, гордость Варшавы.

Весной 1879 года мы окончательно переехали в деревню, где мать поселилась на всю жизнь. Управляющий Семен Ив[анович] с семьей, уехал на родину в Польшу. Попробовали взять другого поляка, но он был если не дурак, то ленивый, болезненный человек. Помню его подвязанным старым красным набрюшником моего отца. У него оказалась рожа на лице, тогда верили, что красное сукно и посыпанный на него мел помогает излечит[ь] рожу. Расстались и с этим управляющим. Маме было 29 лет. Она стала интересоваться и вникать в хозяйство и оказала большие способности к его ведению. Увеличила запашку, ввела многолетнее травосеянье, переписывалась и советовалась с известным агрономом бароном Энгельгардтом (20). Имение, хозяйство и земля стали улучшаться и поднимались в цене. Мама стала и старалась быть одновременно хорошей хозяйкой и в домашнем быту. Кла-

довые были полны всякими запасами, ни в чем не было недостатка, стол был сытный, здоровый, вкусный. Повар проявил способности садовода и огородника, и ему была дана полная инициатива распоряжаться в этой отрасли. Были парники, мы имели к Пасхе свежие огурцы, салат, редиску, а в дальнейшем все остальные овощи и ранние цветы в цветниках. Жизнь вели мы скромную: ездили по-прежнему в телегах, на тех же лошадях. В телегу клали сена, на веревочный переплет и большую кожаную подушку.

За 12–14 верст был расположен уездный город Опочка (21), куда мама ездила по делам и за основными продуктами. Городок этот очень живописный, окружен изгибами реки Великой с большим мостом... Жителей тогда было тысячи 3. Постройки времен Екатерины II: два огромных корпуса, один напротив другого казарменной постройки на главной площади. В них помещались все градские учреждения: банк, казначейство, больница, мужская гимназия, небольшой гарнизон, городская управа, суд и т. д. Мать избрали казначеем в управе и попечительницей в нашей сельской, земской школе, находящейся около нашей приходской церкви (погоста) Утретки, в 3–4 верстах от Стрелиц, ниже по берегу р. Великой. Священник отец Павел не походил на туловатых, полуграмотных батюшек тех времен. Очень любил поговорить на высокие темы и о политике. Был очень не глуп, много читал, выписывал газеты и несколько журналов. У отца тоже была порядочная библиотека, все русские классики и другие писатели. Бабушка Анна Дм[итриевна] нам детям, выписывала в подарок к Новому Году всегда детские журналы: «Детский отдых», «Игрушечку», «Задушевное слово» и др. Кроме того, отец приезжал в отпуск, привозил разные популярные детские книги по истории, географии и общеобразовательные. Каждый день нам читали вслух, и мы были очень рано-развитыми детьми. Няня Каролина скоро уехала обратно в Варшаву, где ждал ее жених – писарь папиного штаба. Он вышел в отставку, переселился с женой в Петербург, где получил место околоточного, и они зажили хорошо. Первое время мама посылала ей вроде пенсии и крестила ее первого сына Сашу. Мальчик, когда вырос, приезжал к нам на лето погостить. Няню заменила нам тетя нашей тети – жены дяди Дмитрия Николаевича. Старая девушка Мария Семеновна Геракова. Институтка, культурная из хорошей большой семьи, отдавшая свою молодость и жизнь многочисленным племянникам и племянницам (22). Она была немного у детей дяди Дмитрия Николаевича, но жена его Анна Юрьевна захотела взять для своих детей (старше нас) настоящую гувернантку для подготовки в гимназии г. Петербурга. И таким образом уступила ее нам. Тетю Машу мы очень полюбили, она так самоотверженно заботилась о нас, дни и ночи, жила только нашими интересами, никогда не обижала, мы привязались к ней всей душой и в то время любили ее больше мамы.

Как описать характер мамы? Она была очень спокойная, добрая, справедливая, относилась очень ровно ко мне и Соне, заботилась о нас, чтобы мы были сыты и здоровы, но я никогда не видела с ее стороны безумной ласки, горячих объятий, какими я осыпала своих детей и внуков. Казалось, от любви сердце истекает кровью. Безумный страх за их жизнь и здоровье вечно терзает душу. Мама была спокойна и не терялась ни при какой опасности. Принимала разные меры и не сходилась с ума, как говорится. Никогда не шлепала нас за провинности. Утром здороваясь, мы целовали ее, на ночь, прощаясь тоже, благодарили за обед. Мама, что могла, шила на нас белье и платья простые – вроде пальто, спереди на пуговках. Мы носили всегда белые, или сурового полотна, передники вокруг шеи воротнички из вышивки на пуговке. Белье меняли 2 раза в неделю, на кроватях 1 раз в субботу.

В горничные взяли молоденькую деревенскую девушку лет 17 – Сашу. Через несколько лет она вышла замуж за Опочецкого кузнеца, прельстившегося ее приданым (100 р.) и поселилась с ним в «городе», предел ее мечтаний.

С тетей Машей мы жили в наших двух детских – спальне и игровой комнате. В спальне была железная печка и утром, когда мы были еще в постелях, зимой приносили дрова и она так весело пыхтела, дверца все время дрожала, пламя старалось вырваться, дрова трещали, стреляли и нам было весело и хотелось подпевать этим звукам тах-тах-тах... Зимой вставали в 8 ч., летом в 7. Валяться не позволялось. Мылись, в столовой молились перед едой, пили молоко и хлеб с маслом, сыром, ветчиной или холодным мясом, давали и яйца. Мама вставала позже и пила кофе. Нам ни чая, ни кофе не полагалось. Соне давали рыбий жир, т. к. у нее была золотуха, и с 5 лет заболели глаза. Надели ей синие очки, которые она не снимала.

Детство наше прошло безмятежно. В добром режиме и порядке. Немного играя, немного читая, учась рукоделию, в скромной обстановке. Зимой, в глубоких снегах и сугробах, гуляли по тропинкам гуськом друг за другом с тетей. Было холодно в доме, в спальне у нас, в детских комнатах и у мамы, на окнах были ставни. Вечером они закрывались, и делалось темно. Спускали занавески и усаживались в столовой кругом стола. Слышны были вой волков, крики зайцев и сов в саду. Дворовые собаки тоже выли и лаяли. От мороза трещали углы дома, точно выстрелы. Волки утаскивали иногда собак, и они бесследно исчезали. Днем мы наблюдали из окон жизнь на улице. Работники возили дрова на заиндевевших лошадях, пилили и складывали в штабелях, припасая к лету. Возили к сараям и конюшням возы с сеном. Утром носили в большой кадке с реки воду. Выводили на водопой лошадей, стадо коров и овец. Ждали весны с большим нетерпением. На Рождество приезжал папа, которого перевели в Белосток начальником штаба кавалерийской дивизии. Его приезд был радостный праздник, любили

мы его безмерно, а он нас глубоко и нежно. Весь он жил для семьи, вне ее тосковал. Вся его жизнь была самопожертвованием. Привозил он всегда массу всего: материал для белья, платья, пудами сахар, консервы, лакомство ящиками, не знал чем угодить и порадовать. Играл с нами в настольные игры, а также в прятки, в «тепло и холодно», загадки, скороговорки... На Пасхе, на большом ковре он катал с нами яйца. Делал это очень ловко и быстро выигрывал и мы горевали с нашими опустевшими корзиночками, а он весело хохотал, как дитя, радуясь своему успеху. Вечная благодарная тебе память, добрый отец. Ты самый лучший, самый честный и добрый человек, которого я знала в жизни. Никого ты не обидел и никто не помянул тебя лихом. Никогда ты не сошел с дороги добра и правды, был верен своему долгу на службе родине и семье. Любил детей и, бывая у знакомых, всегда заходил в детскую, беседовал, развлекал, смешил и играл с детьми. Одна знакомая, будучи взрослой, вспоминала, что «взрослые гости не обращали на нас, детей, никакого внимания, один Михаил Карлович всегда заходил к нам, и как мы его любили!» «Здорово, ребята» звонко говорил он, и мы радостные кидались к нему. Он был среднего роста с правильными чертами лица и очень красивый. Очень походил на Александра III и его братьев.

([День рождения (Ольги) 1-го марта 1874 года] – вставка на полях текста источника. – В. В., В. К.).

В 1881 году мне было 7 лет. ...Когда мне исполнилось 9 лет, по совету и настоянию бабушки Анны Дм[итриевны] меня отдали в 4-х классную гимназию в г. Остров. Начальницей была лет под 60, бывшая классная дама одного из петербургских институтов. Сама институтка, вышла замуж в пожилых годах, очень некрасивая с длинным лицом, с высокой прической еще больше удлинявшая эту голову. Небольшого роста, толстенькая, с короткими маленькими беленькими ручками, которыми она очень гордилась. Кокетничала со своим старым мужем, поджимала губки, сюсюкала, жеманилась. Ее муж красивый старик с серебряными волосами, с большой белой бородой патриарха. Она была вторая жена, и у него было трое детей: два сына (Михаил и Леонид) офицера и дочь 18 лет, Маруся. Начальница была очень строгая, но добрая, звала мужа «папочка». Ее «папочка» был двоюродный брат отца моего папы, тоже Зоммер Евграф Иванович, бывший моряк. Встретился мой отец с ним случайно, совершенно не ожидая найти в Псковской губернии родственников. Случилось это так: отец сел в поезд, в Острове, отправляясь в Стрелиц после отпуска. Пока поезд стоял, отец, выглядывая из окошка вагона, заметил, что какой-то благообразный старик под руку с молодой девушкой, стоя на перроне, что-то очень внимательно присматривается к нему и переговаривается со своей спутницей. Отцу было очевидно, что говорят о нем. Наконец старик подошел к окну вагона и спросил у отца его фамилию. Услышав

свою собственную фамилию, он сказал, что необыкновенное сходство с его сыном (тоже Михаилом) поразило его. Установив свое родство, они расстались очень обрадованные знакомством, разменялись адресами и очень просили следующий раз заезжать к ним в Острове. И вот этой встречей была решена моя судьба. Дома стали говорить, что мне пора серьезно учиться, что Соня по своей болезненности не спутник мне в учебе и что единственная возможность дать мне первоначальное систематическое образование – это помещение меня в эту гимназию, где я могу жить у родственников (23). Грустно было уезжать мне из дома, но сшитые гимназические формы, черные передники и название гимназистки немного меня утешали. Грустно также расставаться с сестрой Соней, с которой мы дружно росли...

Начальница, Елизавета Павловна, приняла нас очень тепло и, т. к. ее семья была на даче в своем имении, уложила меня рядом с собой на кровати мужа. Мама думала, что я буду в хорошей обстановке под надежным присмотром. Недолго я спала в теплой комнате. Приехал Евграф Иванович с Марусей. Ее и меня устроили в большой передней, перегородженной ситцевой занавеской, которая колебалась при малейшем движении воздуха. Марусе и мне достались две внутренние стенки, а потом прибавились еще три жильца. Дочь какого-то урядника (любимица начальницы, Лидия Поцевич), подлизоватая девочка 13 лет, мой злой гений, вторая, бедная учительница, бледная личность, третья, Соня Бошняк 13 лет, красивая, крупная, толстенькая девушка. Избалованная, капризная, ленивая, обидчивая, отсталая, поступила только во второй класс. Добрая разиня, и Лидия Пацевич, хитрая, испорченная девчонка изводила и издевалась всячески над Соней. Все мы были на иждивении начальницы, которая довольно умеренно нас кормила. Помню, часто была гречневая размазня, форшмак из вареного мяса, селедка с картошкой иногда пельмени. Утром чай с хлебом. Мне был дан такой наказ из дома. Вставать в 7 часов и час упражняться на рояле. Иду через темные классы со свечой в руке: страшно. Прохожу какую-то комнату без названия, около кухни, без окон, потом столовую, второй класс, первый и, наконец, зала, где стоял рояль. Играю экзерсисы, гаммы, пьесы. Кончаю, иду обратно, соседки мои уже встали. Моемся, пьем чай, идем по классам. В моем классе все больше девочки купцов, две немочки, дочери доктора, остальные сборные. Учителя: священник отец Петр, добрый, хороший старик, был со мною очень ласков, т. к. видел, что я очень грущу по дому и вид у меня угнетенный от непривычного режима и строгой начальницы. Я была очень чуткая и застенчивая, скромная девочка, ходила на цыпочках, боялась всех и всего. Милая тетя Маруся одна ласкала меня, и я очень к ней привязалась. Она была толстенькая, свежая блондинка с густой косой с приятным контральтовым голосом и хорошо пела. Да, я хотела описать учителей: помню учительницу

арифметики, по всем моим наблюдениям, она, кажется, взялась не за свое дело. Коллектив, как будто, преследовал ее, и мне было ее очень жалко. Учительницу русского языка я плохо помню: какая-то худенькая брюнетка, строгая. Французский преподавала сама начальница, немецкий вводился со второго класса. Учитель рисования был молодой, красивый человек в синем фраке. Мы рисовали, что хотели в тетрадях с большими клетками и все больше звезды, в разных комбинациях и на разном фоне цветными карандашами. На уроках Закона Божия отец Петр в руках крутил из полоски бумаги звездочки и мы выпрашивали их на память.

Я сидела на первой парте против стола учителей, в самой середине. Училась хорошо, т. к. дома получила хорошее развитие. Учительница музыки была не молодая дама замужем за нашим молодым учителем рисования. Помнится, что про эту учительницу много шептали и решали, удобно ли ей приходить на занятия, когда..., а что я не понимала. После через много лет я сообразила, что она была в интересном положении и начальнице, как бывшей институтке, это казалось недопустимым (24).

На рождественские каникулы заехал за мной папа. ... С волнением ждала я отца. Давно не видя своих в непривычной суровой обстановке, домашней и школьной, я сильно соскучилась по родному дому. Неуют, дисциплина давили меня, но домой я об этом писать не стала, т. к. начальница говорила мне: «не пиши, что скучаешь, маме сделаешь больно». И я молчала, заперев свое сердце и его тоску. Папа приехал, с поезда рано утром. Увидав его, я разрыдалась. Он испугался и желая меня подбодрить, подсмеивался надо мной, особенно, когда я сказала, что узнала бы о его присутствии по его запаху, если бы он даже спрятался, он смеялся и говорил: «Разве я собака, что от меня пахнет?» Но я действительно по запаху узнала бы, т. к. он курил папиросы с табаком одной фабрики, и я этот запах хорошо знала.

...Приветливо сверкали в окнах огни, нас радостно встретили мама и тетя Маша, а сестренка Соня (Тумбочка) прыгала на месте от радости. Я была так счастлива. Я дома, впереди елка, Новый год, подарки, всякое баловство, своя кровать, лампадка перед образами в углу, к которому мои ноги в кровати, уют, наша печурка, в ней трещат дрова. Ах, как чудесно! 2 недели я дома, в своем уголке! Можно выспаться, вымыться в столовой около печки, куда ставят большую бадью, широкую на ножках и мы по очереди в ней плещемся. Тетя Маша нас так хорошо и ласково мыла и терла. Но у меня был большой секрет, который я старалась скрыть от домашних. У меня, беспризорной, завелись в гимназии вши в голове. Коса была уже до талии, мне было трудно ее самой убирать, причесывать. В баню редко водили в гимназии. Никому не было до меня дела. Девчонки из разной среды, мало опрятные, заразили меня вшами, причем уверяли, что вши всегда и у

всякого человека водятся. Дома я старалась потихоньку вычесывать частым гребешком и уничтожать их, но заботливая тетя подсмотрела это и приняла энергичные меры. Скоро она уничтожила все следы моего секрета и я избавилась от вечного зуда в голове. Скоро пролетели 2 недели каникул! Миновала елка, поездка к дяде в Олисово, там гаданье, жженка, на синий огонек которой, так интересно было смотреть. Туда приезжал товарищ дяди из Петербурга, инженер Романов Григорий Михайлович. Привозил новинки, журналы, книги, декламировал, говорил анекдоты, изображал в лицах разные сценки из быта разных слоев общества. Привозил игрушки и украшения для елки и сам весело играл с нами детьми. У дяди тогда было 5-ро детей да нас двое. Было весело и нам детям и взрослым. Они играли в винт, помаленьку заглядывали в карты, шутили, трунили, партнеры переговаривались откровенно. Пели, играли на фортепьяно. Пела моя мама и ее брат дядя Митя. ...Хорошие обеды, ужины, вино, масса сладкого, весело, уютно, гостеприимно. Быстро, быстро бежит время!..

И вот опять в кибитке обратно в гимназию! Снег, скрип полозьев и в утешенье (по моей просьбе) колокольчик однозвучный, утомительно гремит... Опять гимназия! Опять я в холодной передней нашей спальни, утром в 7 ч. Упражнение на рояле один час, в 8 одеваться, в 9 класс, потом учить уроки и строгий режим. Будучи уже взрослой, я думала, зачем меня выпихнули из дома, как я там томилась по дому, как бесприютная сирота. Омрачали мое ясное детство и безмятежное воспоминание о нем! Лидия Пацевич, мой злой гений, учила врать, хотела даже заставить красть из ярмарочных палаток и лотков на базаре. В Острове с 1-го марта до Пасхи, на Соборной площади открывалась каждый год большая Ярмарка, и торговцы выносили всякий товар. Я получила от начальницы из моих денег 1 рубль на покупку какого-нибудь лакомства. Лидия отняла этот рубль и купила себе что-то, а мне дала один гороховый пряник. Очень он был противный, горький. Сама она воровала с лотков, что плохо лежало, а меня называла разиней. Я не могла в силу традиций и воспитания ни воровать, ни лгать. Жаловаться на нее я не смела, боялась ее ужасно. Заборные слова она употребляла смело и говорила, что если крикнет их извозчику, то он даром накатает. Я неискушенная, застенчивая девчонка боролась с ее влиянием, но все ее проделки пачкали душу и воображение...

...неожиданно приехала из Стрелиц мама с Соней. Везла она Соню лечить глаза, т. к. ей стало хуже. Я очень обрадовалась опять видеть своих, водила, как старшая сестра с покровительственным видом Соню по классам гимназии, все показывала и объясняла. Решили мы, что когда глаза ее поправятся, она на следующий год тоже поступит в эту гимназию, и мы будем вместе. Вечером мама с Соней уехала на вокзал на Петербург. Не чувствовали мы, что виделись последний раз.

Дорогая моя сестренка, мой товарищ и маленький друг! Всю жизнь я тебя помню и скорблю. Мама скоро вернулась обратно и по пути опять заехала ко мне. Соню она устроила в Петербурге в глазную лечебницу барона Вилье (25). При ней осталась также тетушка отца нашего Евдокия Антоновна, сестра милосердия, участница двух русско-турецких войн. Это была наша двоюродная бабушка, которую мы очень любили и особенно уважаемая нашими родителями. В ее жизни была тайна, которую я уже взрослая узнала. В 16 лет она вышла тайно от родителей замуж за красавца офицера. Он оказался пьяница-кутила, и в пьяном виде страдал kleptomанией – из гостей возвращался с украденными вещами: ложками и другими серебряным вещами. Жена, когда он засыпал, отбирала от него краденое и с денщиком отсылала хозяевам вещей. В конце концов, не вынеся позора, она ушла от мужа, поступила в общество Красного Креста и уехала на войну.

...Как-то вечером, в марте я, окончив уроки, смотрела в окно на проходивший из Опочки в Остров дилижанс. Он проходил по нашей улице. Я увидела на крыше его среди багажа знакомую корзинку. Что это, мамина багажная корзина? Дилижанс остановился у нашего подъезда. Мама выходила из дилижанса. Что такое, в чем дело. Мама печально говорит: «Соня заболела корью в больнице». Я разрыдалась страшно потрясенная и не могла успокоиться несмотря на уверения мамы, что это детская болезнь и все пройдет. За ней хорошо смотрит и ухаживает тетушка – бабушка Евд[окия]. Ант[оновна]. Я все кричала: «Она умрет, она умрет!» Пробыв у нас 1–2 часа, мама уехала в Петербург. Через несколько дней она вернулась и успокоила меня, что Соня поправляется и что, вернувшись в Стрелицы, мама пошлет туда тетю Машу, т. к. тетушка устала и вдвоем будет легче. Через несколько дней папа заехал за мной, и мы поехали на пасхальные каникулы домой. Было грустно без Сони и тети Маши дома. Я одна спала в нашей детской, тихо и тоскливо встречать праздники без моих любимых.

...Вдруг собаки на дворе страшно залаяли, стали на кого-то кидаться. Мама вздрогнула – «телеграмма!» Так и было: «Соня опасно больна приезжайте». Я кинулась в детскую, стала на колени и горько зарыдала, склонив голову на стул. «Она умрет, она умрет!», – кричала я. Что могло с ней случиться? Какая болезнь при перенесенной благополучно кори? Отец решил – верно мозговое что-нибудь как у брата Пети. Мама совсем пала духом. Тотчас же собрались в дорогу. Погода была в тот вечер ужасная – метель, ветер, мороз. Надо ехать на перекладных от ближайшей станции Иссy, до которой 8 верст. Великая уже стала ломаться. Мама одела бараний тулуп нашего повара, чтобы не замерзнуть. Ведь до жел[езной] дороги верст 65... С фонарями перевели их через реку с палками, ощупывая лед, кругом полыньи. Мне дали ключи от буфета и кладовых и поручили самому солидному человеку – повару. Распорядились, чтобы утром съездили в погост ...и

привезли мне для компании девочку нашего дьякона Ньюшу лет 13-ти. Я была в тревоге, ожидая вестей из Петербурга, и эта девушка мне была не нужна, я любила только читать, а ее надо было занимать, она страшно скучала по дому. Очень не развитая, другого общества и воспитания. Я вела себя солидно, желая оправдать доверие и свою самостоятельность, исполняла все наказания. Запирала все, что привыкли видеть запертым на ключ к ночи, и клала связку ключей под подушку, как делала это тетя Маша. Не помню, сколько дней прошло в отсутствии родителей, но однажды ночью я проснулась от света и ходьбы по комнатам. Передо мной поклонились папа и мама. В глубине комнаты я увидела и тетю Машу. Ничего, не понимая, со сна я стала говорить: «Папа, нет мама, папа, нет мама» и быстро сунула руку под подушку. Ключей не было. Совсем растерялась и, очнувшись окончательно, спросила: «А где же Соня?» Папа так грустно ответил: «Она крепко больна!»

«Как вы ее все оставили?» «С нею тетушка-бабушка». Меня поразила бессердечность папы, мамы и т. Маши, которая так сильно любила нашу дорогую Софочку. Мама какая-то странная, ходит так медленно грустно и задумчива. Поужинав, все легли. Я заснула утром, когда я встала и оделась, мама пришла в детскую и позвала меня к себе. Мне стало страшно. Надо было пойти к ней в спальню, через ряд комнат: вторую детскую, столовую, кабинет, залу и я еле волокла ноги, какой-то ужас невольно охватывал меня в ожидании какой-то беды, несчастья. А, может быть, я что-нибудь наделала, провинилась в чем-нибудь и мама хочет меня отчитать. Боже мой, куда деться! Мама взяла меня за плечи, усадила рядом с собой на кушетку и грустно начала говорить:

«Соня не может поправиться, так сказали доктора, чуда не может быть, она должна умереть». «Мама, мама, зачем же вы ее бросили!», рыдала я от страшного горя. «Мы не можем ей помочь, наше присутствие бесполезно, доктор обещал написать нам, и вот мы уже получили это известие. Она умерла».

Нет слов описать мое горе, ничто не могло меня утешить. Теперь, когда прошло 75 лет с того времени, я плачу, записывая это событие. Первое глубокое горе ребенка, беззаветно любившего свою сестренку. Она была на 1 год и 2 месяца младше меня. Не могу выразить мои чувства к ней. Я была маленькая мама. Всегда охраняла ее, один раз она упала с мостков в реку, я ее выволокла на берег. Иногда она деспотично мной распоряжалась, я с радостью ей покорялась. Часто я слышала от старших – она умнее, она сообразительнее, она аккуратнее, она способнее Оли. Я никогда ей не завидовала, предоставляла ей первой право выбора лучшей конфеты, большего яблока, радовалась, когда ее хвалили и говорили, что она красивее меня. Я была очень худенькая с большим ртом, кудрявая, растрепанная. У Сони бы-

ли каштановые волосы, густые косички, красивые руки. В защиту меня вступала иногда мама, говоря: зато у Оли доброе сердце и она всегда говорит правду. Нам незачем было лгать, нас не наказывали, только иногда читали нравоучение и выматывали душу, доказывая, какие мы преступницы, что мы сами, поверив, этому плакали и молились Богу, прося нас исправить. ... Теперь, пережив долгую, долгую жизнь, переся столько горя, я потеряла веру в Божество, в счастье, в вечном трепете за близких и дорогих, за их жизнь и благополучие, совершенно отеклась от своего личного существования. Одно мое желание, когда придет мой час, уйти быстро, и доставить этим как можно меньше хлопот и неприятностей в связи с этим уходом. Все придет в свое время. Внуки просили меня написать хотя бы в виде конспекта мои переживания за долгие годы моей жизни. (9-го февраля 1959 года мне исполнится 85 лет) Успею ли я написать и возможно рельефнее обрисовать эпоху, которую мы переживаем и пережили.

... Соня умерла и ... ее привезли в гробу в родной дом. Гроб поставили во флигеле и к 12 ч. дня приехало духовенство и отслужило панихиду. «Вот в каком домике наша Сонечка», грустно сказала мама. Папа еще больше был убит. Был апрель. Пошли дожди, земля раскисла. Мы ехали целый день 35 верст до Олисова, где в приходе Синяя Никола была могила братьев Всеволода и Пети. Гроб прибыл раньше нас и был установлен в церкви. В цинковом гробу против головки было стекло, и я увидела Сонечку. Лежащую в профиль в белом платье с фатой, как невесту. Она была так хороша, нежная, с длинными ресницами как фарфоровая. Выглядела девушкой лет 15. хотя 25-го марта ей исполнилось 9 лет. В больнице корь застудили, перенесла из одной палаты в другую палату, корь бросилась внутрь. Сделалось воспаление кишок и это привело к смерти. Она лежала такая красивая в гробу, с распущенными волнами [волос], в цветах, что тетя Аня (художница) плакала на похоронах. Мне вместо траура надели гимназическое коричневое платье и обшили его крепом на рукавах и воротнике, и вот я, ребенок, немного утешилась своим трауром и развлеклась торжественностью службы, похоронами. Мне так понравился крест металлический, окрашенный под березу, с медной дощечкой на которой был написан стих из Евангелия: «Пустите детей приходить ко мне и не препятствуйте им, ибо их есть царствие небесное» В своем глубоком горе отец позаботился обо всем с любовью и горестью. Соню похоронили в трех гробах. Первый цинковый ценный с серебром, второй серый жемчужный с золотой отделкой и третий деревянный ящик. Отец в своей великой любви хотел уберечь Соню, возможно дольше от тления. Долгое время, более года, отец страдал, тосковал, увлекся спиритизмом, вызывал Соню, беседовал с нею, выписал газету «Спирит» и не мог забыть ее ни на минуту. Перестал тревожить ее только после того, как на одном сеансе у знакомых он не получил письменно от Сони такие

слова: «Папа, мне хорошо, скажи маме, я помню ее». Это его немного утешило и успокоило. Его одиночество, вдали от дома (он жил тогда в Чугуеве, начальником юнкерского училища (26)). Приезжал домой 3 раза в год. На Рождество, Пасху и летом на школьные каникулы. По неволе он тосковал в чужом городе один, увлекся мистикой и нелегко переносил свое горе. Схоронив 3 детей, его любящее сердце страдало не выносимо, и он не позволил мне ехать опять в гимназию, говоря: «пусть душой вырастет, но жива останется». Мне взяли гувернантку 35 лет, бывшую институтку, отлично образованную, но очень некрасивую, со вставными зубами и у нее страшно пахло изо рта, так что за уроками мне было противно, т. к. мы сидели очень близко друг от друга. Она была очень милый, живой, веселый и добрый человек. Хохо-тушка, с нежным сердцем, любила и великолепно читала вслух, переживая все переживания героев романа, смеялась и плакала с ними вместе, и очень мы с мамой и тетей Машей любили ее чтение. Тетя Маша оставалась у нас в память Сони, и заведовала моим бельем и общим, а также чаем, кофе и порядком в доме. Но вот, как-то в разговоре взрослых я нечаянно подслушала, что т. Маша стара, малоразвита и лишний расход (10 р. в месяц) в доме, что ее надо отпустить. Я в ожидании этого, стала потихонечку прятаться и потихонечку плакать. Бедного папу такого чуткого и справедливого заставили сказать ей об этом, тяжело ему было решиться на это. Несколько дней он ходил сам не свой. Печальный, задумчивый. Уезжая после отпуска, прощаясь, он сказал ей и гувернантке, обеим: «до свиданья, нам придется расстаться, Оле придется опять поступить в гимназию, она плохо одна учится, и ей скучно в деревне одной со старушками». Свершилась огромная несправедливость! Теперь мне скоро 86 лет исполнится, но этого никогда не забуду. Добрый, любящий человек был выкинут на улицу! Гувернантке отец отказал за то, что она была похожа на чахоточную, и отец боялся, чтобы она меня не заразила, живя в общей комнате. Было это после пасхального отпуска, до осени Оля пусть побегаёт, а осенью возьмем гувернантку снова. И вот мама по хозяйству увлеклась сельскому (так в тексте мемуаров. – *В.В., В.К.*), приехали дачники – родственники, бабушка, мать матери и тетка отца, а я бегала на просторе и читала запоем. Игрушками играть не умела. Признавала только крокет, серсо, мяч, колесо, скакалку. Была худенькая и очень ловкая, проворная. Ходили за грибами, ягодами, в саду собирали, чистили на варенье, паслись в крыжовнике, масса была яблоч, осенью не знали куда девать. Осенью мама ездила обыкновенно в Петербург и эту осень взяла меня с собой. Первый раз показать Питер, о котором я слышала чудеса. Было мне 11 лет. Остановились у маминой мамы. Показали мне театр Александринку, 2 вещи Островского и Фауста оперу. Бабушка внучкам: мне, Бизюкиным и знакомым девочкам Климовым задала «бал». Кавалеры были студент и гимназисты. Недели 2 мы

погостили в Питере и с туманом в голове мы с мамой уехали домой в Стрелицы. Привезли гувернантку Марию Ивановну Кнедуш 21-го года, милостивую, стройную девушку... Очень воспитанную, высоконравственную, скромную. Привязалась она ко мне и хотела все, что в ней самого лучшего вложить в меня. Влияла на меня хорошо, это была необыкновенно, в высшей степени высококультурный, чистый, честный человек, оказавший во всех отношениях самое лучшее влияние на мой характер и всю жизнь. Я была очень мягкого податливого характера, и она сделала из меня что хотела. Сама она была доброты необыкновенной. На всю жизнь мы с ней были друзьями и всех моих детей, когда они учились в Питере, она принимала, любила, наши карточки все стояли у нее в гостиной на столике. Особенная любимица была моя первая Соня, которую она звала «Звездочка». Любила она и не скупилась, несмотря на свою молодость – наши «Стрелицы», называя их «моя первая любовь».

Когда мне было 14 лет, я сильно заболела – брюшным тифом одновременно с воспалением левого легкого. Несколько суток в бреду без сознания с кровохарканьем. Отец далеко, на службе, в Чугуеве. Каждый день ему писали бюллетень. Он смертельно боялся за мою жизнь. Последний ребенок из четырех – умирает. Доктор из Опочки ездил через день. Ледяной компресс через 2 часа на живот, на легкое банки. Доктор милый, внимательный, осторожный, спас почти безнадежную. Дежурили мама, Мар[ия] Ив[ановна] и вместо т. Маши взяли молодую девушку, дочь дьякона Елену Александровну 19 лет. Веселую, немножко опоященную, много гостившую в Свенцянах (27) у дяди чиновника, женатого на воспитанной польке, передавшей Ел[ене] Ал[ександровне] свои культурные навыки и обхождение. Когда поправилась я после 6 недель, стала как ребенок всему учиться – ходить, вспоминать умение играть на рояле и т. д., многое вновь, т. к. подзабыла. Голова отчаянно болела, волосы все вылезли. Я была в отчаянии, совсем сделалась плешивая, несмотря на [то, что] косу [я] все короче и короче подрезала. Понемногу стала зарастать точно пухом или мышинной шерстью – густая, густая шерстка. А через полтора года обросла чудесными кудрями, к 16 годам стала девочка розовая, кудрявая, выросла, развилась, похорошела, сделали длинные платья, стали заглядываться и похваливать тетюшки, мамыши и однажды я услышала: «Оля настоящий "король девка!", "чайная роза" и т. д.» ...Ну довольно об этом. Это дань прошлому, т. к. теперь все мои современники умерли и некому похвалить. Папа получил полк в Бобруйске и переехал поближе. Затем умер командир Имеретинского полка в Двинске (28) и я упростила переехать его еще ближе, и он подал прошение перевестись в Двинск. Просьба была уважена, и милый папа принял Лифляндский 97 полк графа Шереметьева (29). В Двинске стояло много войск – 4 полка, 25-ая арт. бригада, крепостная артилл[ерия] и т. д.

И когда я кончила гимназию (с 15 лет), а затем курсы фр[анцузского] и русс[кого] языка Бобрищевой-Пушкиной – 2 курса (30), папа взял меня в лагерь погостить. Мне было 17 лет (31). Голова пошла кругом. Широкая величественная Зап[адная] Двина, пикник с коврами и музыкой на лайбах, вниз по течению, танцы на лугу в лесу, завтрак там, пение, горелки, прогулки, катание в экипажах, балы, молодежь, наряды. Жизнь такая отличная после ученья и жизни дома в деревне – скромной, тихой. Все туманило молодую голову, работа и забота только книги, вышивки, рисовала по фарфору, вязала, ухаживанье и больше ничего. Начали делать предложенья, и в 18 лет жених, мой кавалер постоянный в мазурке. В его предложении была фраза: «мы и так станцевались с вами, не станцевать ли нам всю жизнь?». Я ответила да. Но он боялся, что мой отец не согласится. Я тоже этого боялась, но уверяла его, что он согласится. Иосиф Иванович Меницкий был красивый, высокий, цветущий человек 28 лет (32), любящий книгу и собиравшийся идти в Академию Генерального Штаба. Пока служил в полку прокурором офицерского суда (33), поручик. Был жизнерадостный любимец товарищей, девушек и дам. Вот все что я о нем знала, а, в общем, сама не знала, за что полюбила его. Я была скромная, застенчивая девушка, наивная, чистая в помыслах, хотела любви, семьи, детей и скорее полюбила его за то, что он оценил и выбрал меня и его любовь ко мне. Внешний вид его мне нравился. Высокий, сильный, веселый, добродушный, опрятный. Одним словом, приятный, не такой как другие, неуклюжие, маленькие, в танцах такие потные, некоторые пожилые. Я чувствовала к пожилым отвращение и боялась таких ухаживателей. Их было на моем пути двое. Первый наш начальник дивизии генерал Турбин – вдовец, семья его состояла из дочери старше меня на несколько лет, сына кадета лет 14, и тетушки, ведшей хозяйство. Этот генерал всячески старался меня подружить со своей дочерью. Устраивал прогулки, приемы, куда непременно приглашал меня, и я принимала это за чистую монету. Но жена одного полковника, кумушка-сводница, открыла мне глаза, говоря: «Что же это Оля, вы отказываетесь от своего счастья, будете генеральшей, напрасно отталкиваете Н.М. Турбина» (34). Я так испугалась, что сразу стала чуть ли не дерзкой с ним, и он так рассердился, что стал мстить на отце, придирается в служебные дела (так в тексте источника. – В.К., В.В.). Потом этот генерал был назначен генерал-губернатором Финляндии, а его дочь Наташа, очень некрасивая, с длинным тонким носом вроде шила, вышла замуж за маркиза, благодаря своему богатству и положению отца. Я же никуда не жалела этого жениха и глубоко любила всю жизнь своего бедного, но умного и бережливого мужа, разделяя бедность, радости и горе. Второй поклонник был командир Елизаветинского кавалерийского полка полковник «Норд» (35). Красивый пожилой мужчина, который оценил меня так (как передали

свахи): «У меня было много женщин разных, француженки и другие, но эта (я) такая интересная и оригинальная, такой я еще не имел». Потом меня долго дразнили им, но я сердилась и даже грубила им, кто только вспоминал его фамилию. Я была все-таки деревенская девушка и светски мало воспитанная. Это пришло только с годами (моя светскость), притворяться и лгать я не умела....

В начале июля 1892 г. я поехала в Стрелицы к маме и оттуда 2 июля выехала в Петербург заказать себе венчальное платье. Почему-то было модно тогда суконное белое, закрытое в обтяжку по фигуре. Купить фату, флердоранж венков и другие свадебные мелочи. Мне мама дала деньги на все покупки, но я привыкла беречь и экономить, стеснялась покупать лишнее и дорого, поэтому не потратила всех данных мне.

...9-го июля был день рождения Иосифа, 10-го назначен день нашей свадьбы, а 11-го день моих именин, день Ольги. С тех пор, мы с мужем каждый год отмечали эти дни, называя их нашей троицей.

Мой папа был умным и страдал за меня, убежденный в своей оценке моего жениха, что он «юбочник», легкомысленный, и я не буду с ним счастлива. Не хотел ехать в церковь, но по моему настоянию и просьбе был, но плакал, стоя около столика с продажей свечей и плакал бедняга (36). Он был прав отчасти, т. к. я только 5 лет была уверена в верности мужа. Он был слишком здоров и любим женщинами, которые всячески старались отнять его у меня и соблазняли его всеми мерами. Но он меня любил, называл «несравненная», а я любила его бесконечно и главное, свою любовь, которую мы все же сохранили 35 лет.

Моя семья

[В] 1892 году я вышла замуж за любимого. Целый год длилось все крещендо ненасытной любви и счастья, хотя я чувствовала себя очень измученной и плохо, т. к. оказалась сразу в положении. Первое Рождество мы с мужем ездили в Стрелицы. Беременность была мучительной со страшной тошнотой, болями в пояснице, от которой я много плакала. Через 8 месяцев я не выдержала и родила малютку дочку, очень нежную и миниатюрную. В честь своей покойной сестры и моей мамы ее называли Соней. Когда через 9 дней ушла акушерка, и осталась одна, я испугалась, боясь взять ее в руки – купать, пеленать, и плакала от беспомощности и страха. Вызванная телеграммой мама уехала уже, да она и своих детей не брала в руки. Были опытные няни. Я же никому никогда и после не давала своих детей (37). Видя, что я так боюсь купать Соню, муж воскликнул: «давай я ее возьму». Я тогда еще больше испугалась – решилась, и с тех пор все пошло благополучно, только непривычные соски болели, и я с ужасом приступала к кормлению. Я уехала в Стрелицы с ребенком после ее крещения через 6 недель. В Режице вышли к поезду родители мужа, до Острова (наша станция

была 4 станция от Двинска) за мной выслали экипаж, Стрелицы были от железнодорожной станции за 60 верст. Нечего говорить, как тяжело было ехать целый день летом по жаре с ребенком на руках...

...Все жители высыпали из изб – «Приехала наша барышня». Все молча смотрели на меня с ребенком. Подали лодку, на другом берегу встретила меня мама, младшие сестры и вся прислуга. Устроили визави маминой комнаты и началось райское житье и откармливание. Ребенок только был очень беспокойный, пришлось мало спать. Зато росла она прехорошенькая и нежная как цветочек. Через месяц я как-то во время дневного отдыха почувствовала, что меня трясут за ногу. Вскочила в страшном испуге с ужасным криком и дрожью. Марфуша, моя однолетка и деревенская подруга, наша горничная, всегда мрачная, говорит: «Осип Иваныч приехал». Это было неожиданно, не в наших планах. Испуганная, но обрадованная, я живо вскочила и помчалась встречать на берег. Нечего говорить, какая радость и счастье! Его короткий отпуск и приезд внезапный был результатом того, что я не написала ему сразу после приезда, и он даже дал телеграмму: «Где Оля напишите». Мама даже рассердилась: «Твой муж делает глупости». При слове «твой муж», я закричала от испуга, думая, что с ним что-нибудь случилось. «Оба сумасшедшие!» Мы были так счастливы, гуляли по родным местам – по чудному березовому парку со столетними огромными березами, по липовыми саду по реке вверх и вниз. Чудно. Но пришел срок уезжать, и я рано проводила мужа. «Ах, ты моя растрёпушка!», – сказал ласково муж, глядя, что я не зашнуровала свои ботинки на скорую руку. Отец тоже сказал: «Как это он терпит такую неряшку?» Но наша экономка сказала: «Он ее называет – мое сокровище». Папа остался очень доволен.

Он уехал, мой любимый, и я до августа осталась, пока вернулись в Двинск после осенних маневров. Мама послала Иосифу письмо, в котором просила побережь от беременности меня, т. к. я истощилась до того, что после 3-х месячного кормления мне доктора запретили кормление, говоря, что одно кормление мне стоит дня жизни. Я уже прикармливала Соню и в Стрелицах, сама доила «Белочку» для одного стакана. В Двинске мы приговорили молочницу для одного литра молока, но я все-таки потихоньку, когда муж не видел, давала Соне грудь. Раз муж меня застал ночью с этим, схватил подушку и со злым лицом закричал размахнувшись: «Я убью этого ребенка, если ты хоть раз это сделаешь». Я испугалась, и обещала не делать этого, все равно бросить свою Сонечку не могла, и она росла розовая, здоровенькая. Я опять оказалась в ожидании, не смотря на письмо мамы, и мой муж радовался, желая иметь сына, и как можно больше от меня детей. В виду прибавления семейства мы нашли, что квартира наша мала: было 4 комнаты и кухня такая крошка, что из нее в столовую протягивали руку и ставили блюдо на стол. В спальне не было места для кро-

ватки ребенка, она спала в коляске в гостиной, куда ночью бегала к ней я. ...Взяли квартиру: три больших комнаты и кухню, пространство широкое, но не уютное. Там родился мой первый сын, должен был быть Костя. Но не повезло мне: акушерки не было дома, когда денщик бегал за ней, и пришлось взять первую попавшуюся (38). Она оказалась плохой, я мучалась целый день 2-го мая 1894 г. Он был очень большой ребенок и без помощи не мог родиться, а акушерка-немка говорила: «какая помощь натур сама должна» И вот результат. Он родился огромный хороший, но удушенный, захлебнувшийся кровью. В последнюю минуту был вызван доктор, прибежал со двора, но было поздно. Я испугалась – отчего он не кричит?! Никакие усилия не помогли, ни шлепки, ни искусственное дыхание. Мое первое горе!! Папа родной! Приехал крестить меня, я плачу. Полно говорит: «кусочек мяса не плачь!» А мне так горько видеть прелестное мертвое тельце красивого мальчика. Муж с денщиком увезли его в гробике и похоронили, купив пространство возле могилы брата Иосифа – Кости красавца 21 года, по портрету, и о котором [он] не мог рассказывать без слез. Долго я не могла оправиться после этого удара, а муж готовился в это время в академию, была горячая для нас пора. Я на лето с Соней опять уехала в Стрелицы.

В 1895 году осенью Иосиф уехал в Петербург держать экзамены в Академию Генерального Штаба. Выдержал их с честью, чем доказал моему отцу и сослуживцам свою силу и способности. Главное, конечно, настойчивость и прилежание. Поздней осенью он вызвал нас к себе в Петербург, где нашел квартиру и перевез необходимые вещи из Двинска. Мы поехали, взяв с собою деревенскую девушку Проню, служившую второй горничной у моей матери. Она была неграмотная, настоящая деревенская, угрюмая дура, но работающая, безропотная, пассивная, как заводная кукла. Пробовала я ее учить грамоте, но ничего не вышло. Она складывала кубики и больше всего любила складывать «ю п к а» тыча пальцем в пространство. В поезд она не решалась влезть и все отскакивала назад. Мне пришлось, держа на руках ребенка, поддать ей в зад коленкой, чтобы она, наконец, влезла. В поезде сидела, держа вещи двумя руками, боясь положить на скамейку. Много мы с ней намучались, пока приучили выходить на улицу и в магазин, так она боялась всего и всех. Это был второй ребенок трудно сгибаемый. В баню водила с собой и сама мыла. Настоящий первобытный человек. Видно скучала без деревни и людей своего общества, но прожила у нас 6 лет, всегда недовольная, голодная, т. к. господская пища ей не нравилась, и она прикупала на свои 4 р. в месяц, что ей по душе (39).

Зажили мы в Петербурге на плохой квартире – сырой, холодной с большой бочкой воды (без водопровода), со скудной, казенной охапкой дров. Дворник грубый скидывал их с грохотом в кухне и приносил

2 ведра воды. Стены и платье на них плесневели. Хозяин был генерал, доктор по фамилии Глазунов. Жадный скупой человек, собственник дома на Большой Пушкарской. Уборная была холодная, на лестнице второго этажа. Наша квартира на 3-м. Парадная дверь, она же и черная, была закрыта чьим-то шкафом до половины, и отворялась только одна створка. Было темно и одна знакомая, приезжая с родины, разбила себе лоб об этот шкаф. Мы с Соней ходили в валенках и теплых вязаных кофточках, она постоянно кашляла и чихала, я мерзла. Солнце не видели, т. к. это была северная сторона. Муж призвал комиссию из 3-х лиц: доктора, инженера и свидетеля, был и сам генерал – владелец дома и дворник. Комиссия признала квартиру вредной для здоровья. Владелец, брызжа слюной, и от сырости с каплей из носа выходил из себя, доказывая, что квартира настолько суха, что бывший раньше жилец мочил табак, т. к. он сох. Генерал говорил против нас, что мы делаем ванны ребенку и мочим окорока, (мать прислала копченый окорок к Рождеству) и сами разводим сырость. А ведь из той же воды, из его же бочки! Комиссия за нас, а он подал в суд, т. к. мы подписали контракт на полгода. Я была на суде первый раз в жизни, и муж меня предупредил: «Соглашайся на все, а то еще в академии будет скандал, еще выгонят за сутяжничество». И вот присудили штраф уплатить 125 р. Мы молодые, бедные, где их взять. Заняли у моей воспитательницы-гувернантки, доброй души и любящей меня на всю жизнь, родной тети Маши, обожавшей мою Сонечку. Переехали на другую квартиру на 4 этаже, прекрасную, солнечную, из 3 комнат с дровами в волю, с водопроводом за 36 р. в месяц ...на 9-той линии Васильевского острова. В этом доме 26-го ноября 1895 года родился у меня сын Коля, большой около 12 ф. весом. Третий ребенок, а мне всего 21 год, и я истощенная. Мне запретили кормить. Мама искала в деревне кормилицу, но это было очень трудно, т. к. деревенские бабы тоже истощены и обладают от бедности разными болезнями. При освидетельствовании: у одной трахома, у другой легкие, у третьей сердце. Освидетельствовали 6 женщин (40). Так продолжалось 4 месяца, и я все кормила сама. Наконец доктор в Опочке решил помириться на одной с пороком сердца, что у нее это от плохого питания, а у нас она поправится. И вот мама привезла ее. Это было кроткое существо, и хотя ее оторвали от семьи-мужа и 6-ти месячной дочки, она у нас ожила, покруглела и ходила важно со своим молочным сыном Колей. Но у нее было очень мало молока и Коле не хватало. Пришлось и мне кормить совместно. Он с радостью впивался в мою грудь, а у нее пришлось сыпать сахар, и он брыкался и ревел. Но она была хорошая няня, и нам пришлось примириться с ней. Она стала нашим другом, кроткая Паша. После года я ее свезла вместе с собой в Стрелицы и отпустила, наградив одеждой для дочки и чем могла деньгами.

Она осталась преданным другом и каждое лето навещала нас, когда я приезжала в Стрелицы.

Коля рос некрасивым мальчиком, немного упрямым и лгунишкой, но веселым и спокойным. Засыпал поразительно скоро, не то, что Соня, [которую] долго приходилось петь, качать или носить на руках. С годами Коля вырос цветущим ярким мальчиком и имел много побед. Дела у мужа в академии шли отлично – зимой в Петербурге, летом в окрестностях на съемках, с массой карт, в которых и я помогала. Они были такие огромные, что мы чертили и раскрашивали их лежа на полу. При моей помощи он овладевал постепенно обоими иностранными языками – французским и немецким. Итак, мы прожили на Васильевском острове до выпуска полного курса (с дополнительным) с награждением чина капитана. Мой отец радовался, что пошли по его стопам в ген[еральный] штаб. Про меня говорил: «генеральшей будет». Все хорошо шло и удачно в нашей жизни до революции. Чины, ордена, успехи на японской, на первой отечественной войне и даже на гражданской (3 года), затем демобилизация по возрасту, почет и уважение, служба преподавателя в высших гражданских учреждениях пока, после 35 лет сожительства в любви и дружбе, он, живя в Пскове (я с семейством в Стрелицах), не желая признать себя стариком, и живя во Пскове одиноко, не захотел испытать вторую молодость, не влюбился в молодую женщину – тунядку. Она довела собственного мужа до тюрьмы и осталась одинокой без работы с 5 летней дочкой на руках. Мой муж пожалел ее стал поддерживать и, наконец, перешел к ней и ее родителям на квартиру. Он бросил свою семью ради нее и через 5 лет умер от паралича сердца (инфаркта). Не были приняты меры для его спасения: доктор-еврей «Рыбкин» прописал ему КАСТОРКУ. В течение 10 дней он погиб без любви и ухода – задыхаясь. Я бы не дала ему умереть, не приняв всех мер возможных и невозможных, т. к. любила его беспредельно.

Но я забегаю вперед. ...После выпуска из Академии мужа с не большой группой товарищей назначили для распределения в Виленский военный округ в г. Вильно (41). Я с Соней и Колей выехали туда после проведенного там лета 1827 года (так в тексте, правильно – «1897 г.» – *В.В., В.К.*) с экономкой Марией Федоровной Гривской, которую моя мама дала мне на зиму, т. к. в октябре я опять ждала ребенка. Приехали мы в готовую квартиру на окраине города в первом этаже совершенно пустую, т. к. все вещи в Петербурге не были проданы. Только в гостиной висело 3 масляных картины неизвестных художников – зимние виды с тройками. Одна из них – «боярин Морозов едет в ссылку». Я посмеялась над фантазией мужа, что вместо дельных вещей он увлекся картинами. Но зато в спальней был куплен платяной шкаф, а в нем подарки для меня. Это всегда меня ожидало после моего отсутствия. Получила я два шерстяных капота – темно-синий и го-

лубой и большой плед, платок. Я была очень тронута его заботой и любовью. В октябре 13-го родилась Верочка – здоровый бело-розовый ребенок. Но акушерка полька угрюмая, не ласковая, приходившая каждый день убирать меня и ребенка, ушла, открыв форточку. Думая, что я отдыхая заснула, дети, Мария Федоровна и прислуга заперли дверь и ушли в дальние комнаты. Я страшно озябла, кричала, но никто не слышал и не пришел ко мне часа 3-4, пока со службы не пришел муж. Я страшно простудилась и пролежала с температурой 6 недель. В это время в Стрелицах умирал мой дорогой отец от чахотки. Узнав о моей болезни, сказал: «видно мы с Олей под ручку пойдем на кладбище». Но я между жизнью и смертью при жестоком бронхите выздоровела благодаря чудесному доктору Квятковскому, внимательному и энергичному. Мне запретили опять кормить, но я не послушалась и кормила в продолжение года Верочку. Она росла здоровенькой, и знакомые – Вальтеры, увидев её, восхитились ее видом и сказали, что ее надо на выставку снести. К Рождеству я встала, и даже меня знакомые уговорили пойти в собрание на вечер 26-го декабря. Я не хотя согласилась и хотя была очень слаба все-таки танцевала. А в этот вечер умер мой папа, о чем мы получили утром 27-го телеграмму. Как я рыдала и звала его во весь голос: «Папа, папа!» Не забуду этого горя никогда.

Из 6 товарищей по академии я помню 2-х попавших в Вильно – Ивановы (42), поселившиеся на одной площадке с нами, и Вальтер (43), пара напротив наискосок. Мы [трое] ожидали детей. Я первая родила, вторая Иванова и третья Вальтер. С Ивановыми мы виделись почти ежедневно. Наши мужья учили нас вечерами играть в винт. Расставлялся ломберный столик, на нем 2 свечи и тарелка с незатейливым угощеньем – пряниками, изюмом, орехами. Но недолго мы прожили в Вильно. Через полгода нас перевели в Витебск и в марте мы туда и двинулись. ... Квартира была готовая, Васильевых, переведенных в Вильно. Она была на втором этаже угловая. 3 стены наружные и очень не уютная и несимпатичная. Прожили мы в Витебске 4 года, но на другой квартире, усадьбе. Владелец умер, и вдова с двумя воспитанниками взрослыми – девушка и парень, перешла во флигель на дворе, и дом деревянный большой с садом и другим через дорогу внизу. Дом стоял на архиерейской горке с большой открытой террасой, очень симпатичной, с хорошим воздухом вокруг и массой зелени, хотя холодный, но мы в нем жили счастливо. За домом было поле, где дети бегали вволю. Внизу под горой была кожевнная сушильня, и по вечерам рабочие пели хором русские песни очень хорошо, и мы слушали, сидя на террасе с удовольствием. Среди террасы росло огромное дерево. В ноябре 9-го родился у нас сын Георгий – Юрочка великан, здоровяк. Ему в 3 месяца давали полгода, а в полгода – год. Но у него была экзема на голове, и мы долго бились, пока не излечили ее. Зато у него выросли крутые локоны, и вообще он был очень хорош. Один

полковник-художник спрашивал, приходя к нам: «Где ваш красавчик?» Милое, доброе, ласковое, тихое дитя, его нянчил денщик Василий (44), и он звал его «Лахлилий», который очень любил его. За обедом Юра сидел за детской четырехместной партой, и Василий кормил его с ложечки говоря мне: «Барыня дайте Юрочке котлетку», и Юра повторял: «Балыня, дай Юле котетку». Милый мой мальчик погиб в революцию от сыпняка, о чем я узнала понаслышке через 4 года. Ему было 18 лет. Самый добрый и любящий сын. Он был очень привязан к Леночке, родившейся через 1 год и 6 месяцев после него. В Витебске нам жилось хорошо и приветливо. Завелись многие симпатичные семьи. ... Все Витебские дамы, очень хорошие хозяйки, соревновались в изделии разных вкусных блюд. Чему я многому научилась (так в тексте источника. – В.К., В.В.) (45).

Отрыгантов (46) был заведующим хозяйством в штабе и часто присылал мне коляску с парой лошадей и я ездила за город в лес, где на поляне дети резвились и дышали чистым воздухом. Когда пришло время через 4 года для повышения и переезда в другой город, я стала просить мужа хлопотать опять в Вильно, где была семья двоюродного брата моей матери – Н.Р. Стремоухова. Это удалось, и мы снова в Вильно. Там застала нас война с Японией, и все товарищи мужа отправались на восток на войну, а так же его шеф – генерал Шевцов (47). И хотя мой муж не уважал его, но сказал: «Вот и я бы поехал, т. к. я начальником его штаба был». В это время, хотя муж был назначен начальником штаба пограничного округа (48), очень хорошее место, даровой проезд по железной дороге за границу, покупки заграничных товаров без пошлины и т. д. Но сказанные слова мужа я в разговоре передала г. Шевцову, и он стал хлопотать, чтобы ехать вместе со знакомыми ему сотрудниками, веря в его (т.е. – И. Меницкого. – В.В., В.К.) разум и военные способности, взял его себе. Нечего говорить, что я была в отчаянии, т. к. 31-го октября 1904 года родился сын Олег. В январе мы поехали провожать мужа и отца 6-ти детей на войну. Формировался корпус в Минске. И вот я с малюткой Олегом и 3 другими: Соней, Колей, Верочкой (у детей был злейший коклюш) и т. Женей, выписанной мужем, чтобы я не осталась одна, поехали в Минск. Устроились в гостинице. Нечего говорить, что провожая, я плакала до дурноты и страшной головной боли. Вернувшись в Вильно, мы переехали на квартиру подешевле и очень жалели свою, со всеми удобствами, прежнюю. В новой было много водяных рыжих крыс, которые съели канарейку и отгрызли кусок одеяла у няни, пока она спала. Кроме того, она была под горкой, с которой стреляли бандиты во время революции 1905 года по нашим домам, и мы однажды всей семьей лежали на полу, пережидая стрельбу.

20/VII 64г. ...Мне грустно вспоминается больше, тяжелые минуты, а сколько было всего хорошего, все покрылось пеплом и горечью...

Комментарии

(1) Разночтение даты рождения автора мемуаров – из самого текста их рукописи. В одном месте О.М. Меницкая пишет: «В 1881 г. мне было 7 лет» и на полях здесь же добавляет: «1-го марта д. р. 1874», а в другом: «9-го февраля 1959 года мне исполнится 85 лет» [2, с. 24, 47].

(2) Таких, например, как блокада Ленинграда (1941–1944 гг.), 40-летие «старшей внучки», имевшее быть 4 июня 1963 г., равно как и наличие более поздних дат – «5 VI 1963 г.», «1964 год», «20/VII 64 г.» [См. 2, с.68, 69, 95].

(3) Цветовые оттенки чернил, которыми написаны мемуары, начинают меняться на 88-й странице и далее становятся темнее, а еще ранее (на С. 51) заметно присутствие текста, написанного разным почерком [2, с. 51, 88].

(4) Пояснения относительно более точной даты написания мемуаров О. И. Меницкой см. в наших комментариях выше.

(5) *Стремоуховы* – дворянский род, происходящий, по сказаниям старинных родословцев, от гречанина Александра Афанасья Строматороса-Стромаухова, выехавшего в 1462 г. из Царьграда к великому князю Василью Васильевичу [Биографический словарь Академике. Стремоуховы. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/biograf2/12298>. Дата обращения: 25.12.2016]. Судя по предметам, изображенным на гербе дворянского рода Стремоуховых (рыцарский шлем, три перекрещенные стрелы, кривая сабля), их деятельность была тесно связана с военной службой [Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Герб рода Стремоуховых. URL: <http://gerbovnik.ru/arms/319.html> Дата обращения: 25.12.2016]. Один из потомков этого рода, Дмитрий Стремоухов, офицер Главного управления путей сообщения и публичных зданий (ГУПС, к 1834 г. он дослужился до майора), возглавил в начале XIX в. строительную комиссию в г. Ярославле, которая занималась в т. ч. и строительством набережных и дамб [4, с. 67]. Другой Стремоухов, Николай Петрович (род. 29 августа 1861 г.) в 1888 г. окончил АГШ, 22 января 1915 г. был произведен в генерал-лейтенанты, а с 1918 г. служил в «белых» Вооруженных силах Юга России у генерала А.И. Деникина. Скончался Н.П. Стремоухов 8 декабря 1938 г. в г. Загребе (Югославия) [Картотека *Лихотворика* А.А. Стремоухов Николай Петрович. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=223>. Дата обращения: 24.12.2016]. О сроке окончания последним АГШ см. также: 5? с. 24].

(6) Потомственные дворяне *Бизюкины* играли заметную роль в экономической, общественной и культурной жизни Опочецкого уезда Псковской губ. В «Памятных книжках Псковской губернии» упоминается имя инженер-поручика Николая Дмитриевича Бизюкина (его-то и упоминает О.М. Меницкая-Зоммар в своих мемуарах ниже. [См.: 2, с. 4]) – члена Опочецкого уездного попечительского комитета по тюрьмам. В 1856 г. штабс-капитан Н.Д. Бизюкин командует дружиной № 195 Подвижного Государственного ополчения. В 1859 г. инженер-капитан Н.Д. Бизюкин проживал в с. Олисово и владел деревнями Синеникольской волости Опочецкого уезда Псковской губ. За ним числилось 211 душ крестьян [Кто они – Бизюкины // Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. URL: <http://museums.pskov.ru/pskovoldmodern/konov/bizyukin>. Дата обращения: 25.12.2016].

(7) Другой вариант фамилии – «Зоммер». Отец Ольги Михайловны – *Михаил Карлович Зоммер* род. 13 декабря 1841 г. Окончил Павловский кадетский корпус и АГШ по 2-му разряду. В 1863 г. участвовал в подавлении мятежа в Польше. К 14 ноября 1896 г. дослужился до генерал-майора; 6 февраля 1896 г. был назначен командиром 2-й бригады 17-й пехотной дивизии [Зоммер Михаил Карлович // РИА. URL: <http://regiment.ru/bio/Z/51.htm>. Дата обращения: 25.12.2016].

(8) *Бестужевские курсы* – неофициальное название Петербургских высших женских курсов, дававших русским женщинам университетское образование. Курсы были основаны в 1878 г. как общественное учебное заведение в составе трех отделений: словесно-исторического, физико-математического и естественного. Значительную роль в их организации сыграл т.н. «триумвират» – Н.В. Стасова, М.В. Трубникова, А.П. Философова. Официальным учредителем и первым директором был К.Н. Бестужев-Рюмин (по его фамилии названы курсы). Срок обучения – 3 года, с 1881 г. – 4 года. Несмотря на то что значительная часть женщин, обучавшихся на курсах, не ставила своей задачей получение профессии, а предполагала преимущественно повысить свой культурный уровень, кажется крайне сомнительным, чтобы жена офицера, проживавшая в конце 1870-х гг., как следует из дальнейшего текста мемуаров, на западных границах империи и имевшая уже несколько детей, могла отправиться в столицу на курсы на целых два года. Тем более, в воспоминаниях ничего не говорится об отъезде матери из имения в Псковской губернии в С.-Петербург на значительный срок. Возможны два объяснения подобного разночтения: либо автор имеет в виду какие-то другие курсы, например, Курсы ученых акушерок (Женские врачебные курсы), действовавшие с 1872 г., либо мать могла учиться в С.-Петербурге на Бестужевских курсах где-то между 1889 и 1891 гг., пока ее дочь получала образование на курсах новых языков, также расположенных в столице [См.: 6; https://readtiger.com/wkr/ru/Высшие_женские_курсы. Дата обращения: 25.12.2016].

(9) Согласно законам Российской империи возраст брачного совершеннолетия мужчин составлял 18 лет, а женщин – 16 лет. Вместе с тем епархиальным архиереям было предоставлено право «в необходимых случаях разрешать браки, по личному своему усмотрению, когда жениху или невесте недостает не более полугода до узаконенного на сей случай совершеннолетия» В то же время по каноническим нормам всех христианских религий брачное совершеннолетие наступало значительно раньше минимума, определенного государством. Например, у православных оно устанавливалось согласно гл. 50 «Кормчей книги» для жениха в 15, а для невесты в 12 лет, а по указу Синода от 17 декабря 1774 г. – соответственно в 15 и 13 лет. Разноречие канонических и правовых норм приводило к разным последствиям для судьбы брака в случае нарушения тех или других. Если не соблюдались правила церковного канона, то заключенный брак признавался незаконным и недействительным, а вступившие в него лица подлежали обязательному разлучению. Если же венчались супруги, «достигшие церковного, но еще не достигшие гражданского совершеннолетия», то они не разлучались, а последствием нарушения могло быть только взыскание с тех, кто совершил обряд венчания, с родителей или опекунов, а также и с самого несовершеннолетнего брачующегося [См.: 7].

(10) Так в тексте мемуаров. В наивном сознании женщины, хотя и выросшей в военной среде, офицерский чин «капитана», видимо, просто сливается с должностью, которую на раннем этапе своей карьеры по Генштабу, как правило, получали выпускники АГШ – «штаб (или – обер-) – офицер для поручений» или – «старший адъютант» при штабах войсковых соединений или учреждений [См., например: 5, с. 120–154].

(11) В наше время Олисово – деревня в Чагодощенском районе Вологодской области URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%BB%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%BE_%28%D0%92%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%29 (Дата обращения: 25.12.2016).

(12–13) В третьей четверти XIX в. в значительной части дворянских семей сохранилась существовавшая еще с крепостных времен традиция полностью пере-

давать своих детей на попечение няnek и прочей прислуги. Только с 50-х гг. XIX в. можно выделить небольшую (но постоянно растущую) группу дворян-родителей (как отцов, так и матерей), которые сами занимались своими детьми, даже младенцами. Передав детей прислуге, матери мало контролировали ее деятельность и в подавляющей массе случаев няни осуществляли уход за детьми, исходя исключительно из собственных представлений о «санитарии» и «способах оздоровления». Организация присмотра становилась результатом значительного опыта, полученного женщиной в ходе «выращивания» собственных (т. е. крестьянских) детей, а уровень ее подготовленности и квалификации определялся количеством выживших из них. Вполне обычным было и то, что в случае временного отсутствия няни ее обязанности брала на себя не мать детей, а какая-либо другая прислуга, в данном случае кухарка [См.: 8].

(14) Общеимперское гражданское право предусматривало полную раздельность имущества супругов. Все имущество жены и даже приносимое ею в дом мужа приданное официально рассматривались как ее единоличная собственность. Практика же демонстрировала причудливые сочетания самых разных имущественных взаимодействий супругов, от полной реализации принципа раздельности, даже в рамках фактически единого дома, до всевластия одного из них в «неприкосновенном» имении другого. В обыденной жизни разные социальные группы, в том числе и дворяне, традиционно разделяли предоставляемое семьей невесты накануне свадьбы имущество на три части, по праву собственности на него. Исключительные права жены признавались лишь за той частью приданного, которая включала ее личные вещи, прежде всего одежду и белье. Входившие в состав приданного имение и предметы быта, как правило, рассматривались и передатчиками, и получателями, как общее владение супругов. Денежные средства поступали к мужу [См.: 9–13].

(15) Сегодня это: деревня Стрелицы Бежаницкого района Псковской обл. (Стрелицы. URL: <http://www.bankgorodov.ru/place/inform.php?id=99155>. Дата обращения: 25.12.2016).

(16) Родовым имуществом в Российской империи считалось то, которое было получено по законному наследству или в приданное (как часть наследственной доли) от других родственников, а также «дошедшие от первого их приобретателя хотя и по духовному завещанию, но к такому родственному лицу, которое имело бы по закону право наследования». Такое имущество не могло подлежать свободному завещанию и распределялось лишь в соответствии с условиями законного наследования. Ближайшими наследниками умершего в данном случае считались его нисходящие, преимущественно мужского пола, т. е. после смерти отца или матери имение переходило к их сыновьям, а в случае отсутствия их всех, или одного из них, по праву представления – к внукам или правнукам. Сыновья должны были делить наследство поровну, предварительно выделив «указанные части» оставшемуся в живых супругу умершего ($1/7$ долю недвижимого и $1/4$ долю движимого имущества), а также его дочерям ($1/14$ часть недвижимого и $1/8$ часть движимого имущества каждой). Благоприобретенное – все движимое имущество и денежные капиталы, а также недвижимое, но купленное, полученное в дар не от членов своего рода, выслуженное, «собственным трудом и промыслом нажитое» и т. д. имущество. Оно, наоборот, могло завещаться совершенно свободно, причем никаких норм по ограничению распоряжений владельца, например обязательной доли в пользу наиболее близких родственников, не существовало [См.: 14, ст. 396–399; 7].

(17) В наши дни Остров – третий по величине город Псковской области после Пскова и Великих Лук. URL: <http://redigo.ru/geo/Europe/Russia/poi/6244>. Дата обращения: 24.12.2016).

(18) Деревня Тиханово существует и сегодня в Псковской обл. Опочецкий район (д. Тиханово, р-н Опочецкий на карте Псковской области. URL: http://postid.ru/pskov/index.php?url=view_addr_list&lvl=sity&id=4762. Дата обращения: 24.12.2016).

(19) Детские сады появляются в Российской империи во второй половине XIX в. как образовательные учреждения для детей представителей привилегированных слоев общества (первый платный детский сад был открыт 1859 г. в Гельсингфорсе, а второй – в Санкт-Петербурге в 1863 г.). К в 1874 г. в России насчитывалось уже 56 детских садов, причем более половины из них располагались в Петербургском (14), Московском (9) и Рижском (8) округах. В эти учреждения принимали детей в возрасте от 3–4 до 8–9 лет. Плата была довольно значительной и составляла от 50 до 80 р. в год. При приеме предъявлялось свидетельство врача о состоянии здоровья ребенка и о прививке от оспы. Занятия велись с 10 до 14 час. В соответствии с идеями немецкого педагога Ф. Фребеля, детские сады были нацелены на социализацию детей, их физическое и нравственное воспитание в обществе сверстников, в процессе игр и иных занятий, подходящих по возрасту, а также эти учреждения были призваны содействовать подготовке детей к дальнейшему обучению в средней школе [См.: 15].

(20) *Энгельгард Александр Николаевич* (21.07 (02.08). 1832 – 21.01 (02.02) 1893) – русский публицист, ученый агрохимик. По окончании Михайловской артиллерийской академии (1853) служил в Петербургском арсенале. Организовал первую в России публичную химическую лабораторию (1857), издавал первый отечественный химический журнал («Химический журнал Н. Соколова и А. Энгельгардта», 1859–60). В 1866–1870 г. – профессор химии Петербургского земледельческого института. За распространение среди студентов демократических идей был в 1870 г. арестован и выслан под надзор полиции в с. Батищево, где создал образцовое хозяйство и школу для подготовки «интеллигентных землевладельцев». Автор знаменитых писем «Из деревни», дающих описание пореформенного помещичьего и крестьянского хозяйства [См.: 16].

(21) Город Опочка сегодня – административный центр Опочецкого района Псковской обл. (Опочка. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%BF%D0%BE%D1%87%D0%BA%D0%B0>. Дата обращения: 24.12.2016).

(22) Во второй половине XIX в. во многих дворянских домах, особенно живших в деревне, присутствовали вдовые или незамужние родственницы (нередко очень дальние), выполнявшие функции экономки и/или гувернантки, но не получавшей за свой труд зарплату, а служившей за кров и стол. Помимо такого содержания, они могли еще рассчитывать на одежду (или деньги на ее приобретение) и небольшие подарки на праздники. Тяжелое материальное положение, в котором оказались представители первенствующего сословия в результате отмены крепостного права и мирового аграрного кризиса 1880-х гг., способствовало росту заинтересованности значительной части обедневших дворянок в данном труде. Бескорыстное служение их строилось, как правило, на двух основах. С одной стороны, постепенно сформировавшейся глубокой привязанности к «своей семье», усугубленной пониманием важности выполняемых ими в доме функций, без чего домашние во главе с хозяином «точно пропадут», а с другой – на очевидной безальтернативности существующей жизненной стратегии, заменой которой могла стать только богадельня [См.: 17].

(23) На протяжении второй половины XIX в. постоянно росла численность дворянских детей, получавших среднее образование в специализированных учебных заведениях, и соответственно, сокращалось число находившихся на домашнем обучении. К концу столетия в провинциальных губерниях получал домашнее образование только каждый третий дворянский ребенок, а в столичных – каждый пятый. Отправляя детей учиться, родители, прежде всего должны были решить вопрос об организации проживания школьников, когда учебное заведение находилось на достаточном расстоянии от постоянного места жительства семьи. Если дети изначально не поступали в зарытые государственные учебные заведения, число которых было невелико, а места в них, как правило, предоставлялись сиротам и детям из многодетных и малоимущих дворянских семей, то учащиеся могли поселить у родственников, в пансионе, организованном при учебном заведении, на квартире учителей и, наконец, у совершенно посторонних людей, зарабатывавших предоставлением школьникам крова и стола. Соответственно, и подход лиц, взявших на временное попечение детей к выполнению своих обязанностей, мог быть совершенно различным: либо просто обеспечение нуждающихся жильем, но без особого контроля над их жизнью, деятельностью, соблюдением гигиенических норм и пр., либо специально организованное совместное проживание, с тем, чтобы «постоянная совместная жизнь детей с учительским персоналом создала из школы большую семью, где полная свобода ребенка тесно слилась с строгим семейным режимом». Автор воспоминаний проживала в здании школы, но на квартире начальницы учебного заведения, которая вместе с тем приходилась девочке родственницей. В этой связи мать мемуаристки была уверена, что ее дочь будет находиться «в хорошей обстановке под надежным присмотром». Однако на деле это особое положение мало отражалось на условиях жизни школьницы, находившейся в тех же санитарно-гигиенических и педагогических условиях, что и другие пансионерки заведения [См.: 18–19].

(24) Вопрос о возможности работы для беременных учительниц был во второй половине XIX в. не только предметом пересудов коллег, но и темой обсуждения государственных инстанций. Борьба за «приличие» вызывала со стороны школьных начальников отдельных территорий полный запрет на службу в образовательных учреждениях замужних женщин. Так, работающие в петербургских начальных школах обязаны были заблаговременно заявить о своем планируемом замужестве в городскую думу и подать прошение об отставке. Беременность же девушки-учительницы означала обязательное удаление ее от должности «за не совсем безупречное поведение». Так как упомянутая в тексте мемуаров начальница заведения сама состояла в браке, то уволить свою подчиненную с выходом замуж она не могла, а других законных причин для ее отставки не находила... [См.: 7].

(25) Видимо речь идет о лейб-медике Якове Васильевиче Виллие. Его биографию см. напр.: Российской некрополь. URL: <http://necropol.org/villie.html>. Дата обращения 25.12.2016).

(26) Должность начальника Чугуевского пехотного юнкерского училища М. К. Зоммер занимал с 4 июня 1882 г. – до 10 мая 1888 г. (Зоммер Михаил Карлович // РИА. URL: <http://regiment.ru/bio/Z/51.htm>. Дата обращения 25.12.2016).

(27) Сегодня Швянчёнис (лит. *Švenčionys*, белорус. *Свенцяны*) – город на востоке Литвы, в 84 км к северо-востоку от Вильнюса; административный центр Швянчёнского района. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D0%B2%D1%8F%D0%BD%D1%87%D1%91%D0%BD%D0%B8%D1%81> (Дата обращения: 25.12.2016).

(28) Здесь подразумевается, видимо, полковник Михаил Ильич Бибииков, командовавший 157-м пехотным Имеретинским полком Русской императорской армии с

16 июля 1878 г. до 21 сентября 1887 г. URL: 157-й пех. Имеретинский полк. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%82%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_157-%D0%B9_%D0%BF%D0%B5%D1%85%D0%BE%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D0%BE%D0%B%D0%BA#.D0.9A.D0.BE.D0.BC.D0.B0.D0.BD.D0.B4.D0.B8.D1.80.D1.8B_.D0.BF.D0.BE.D0.BB.D0.BA.D0.B0

(29) Полковник Михаил Карлович Зоммер командиром 97-го пехотного Лифляндского полка был назначен 30 декабря 1889 г. (Зоммер Михаил Карлович. URL: <http://regiment.ru/bio/Z/51.htm>. Дата обращения: 25.12.2016). На указ. срок и на период, включая Первую мировую войну, названный полк входил в состав 1-й бригады 25-й пехотной дивизии, квартировавшей на 1 января 1909 г. в г. Двинске [20, с. 282–283; 21, с. 491].

(30) Женские курсы новых языков были открыты М.М. Бобрищевой-Пушкиной в С.-Петербурге в 1889 г. Задачей учебного заведения являлась подготовка преподавательниц иностранных языков, а также русского языка. Помимо языков в учебном заведении преподавались история, литература, преимущественно западноевропейская, а также изящные рукоделия (выжигание по дереву, рисование по фарфору и проч.) (См.: https://readtiger.com/wkpr/ru/Высшие_женские_курсы. Дата обращения: 25.12.2016).

(31) Речь идет о 1891 г.

(32) В последней трети XIX в. всем офицерам запрещалось вступать в брак до достижения ими 23 лет. Не достигшие же 28 лет, могли получить разрешение начальства на женитьбу не иначе, как по представлении имущественного обеспечения. Такое обеспечение могло быть собственностью жениха, невесты, или обоих вместе, состоять как из недвижимой собственности, так и из процентных бумаг всех родов, принимаемых казной в залоги вообще и приносить чистого годового дохода не менее 250 р. Соответствующие документы полагалось хранить в полковых ящиках или в других местах хранения казенных сумм, до достижения офицером 28 лет, выхода его в отставку или прекращения брака, (если последние два обстоятельства наступали ранее достижения им необходимого возрастного рубежа). Таким образом, указание в мемуарах возраста жениха имеет принципиальное значение – только достигнув 28 лет, офицер получал материальную возможность свободно жениться, правда если его невеста соответствовала обязательному требованию благопристойности, которому юная дочь полковника очевидно отвечала [См.: 22–23].

(33) В тексте, видимо, опечатка. Скорей всего, имеется в виду должность председателя офицерского суда чести.

(34) В 1891–1892 гг., о которых в данном отрывке повествует О.М. Меницкая, среди начальников 25-й пехотной дивизии генерала с фамилией и инициалами «Турбин Н.М.» не было. С 29 сентября 1888 г. – после 1 января 1891 г. и на срок не позднее 8 апреля 1896 г. – дивизией командовал генерал-лейтенант (с 1891 г. – генерал от инфантерии) *Евфимий Яковлевич Офросимов*. Страдал ли престарелый генерал Офросимов обильным потоотделением, нам сказать сложно, однако в описываемое время он явно перешагнул брачный возраст: в 1891 г. ему уже стукнуло 65 лет, а 7 июля 1896 г. он вообще ушел в мир иной (URL: <http://bsenc.ru/274/924202-25-ya-pehotnaya-diviziya-rossiya.html>; Генералитет Российской Императорской армии и флота. URL: http://www.rusgeneral.ru/general_o1.html. Дата обращения: 26.12.2016).

(35) По всей вероятности, речь идет о 3-м гусарском Елизаветградском полку (на 26 июня 1885 г. – 24 октября 1892 г. – 9-й драгунский), входившим на начало 1890-х гг. вместе с 25-й пех. дивизией в состав 3-го арм. корпуса (штаб-квартира

располагалась в г. Вильно) (3-й армейский корпус. Российская империя. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/3-%D0%B9_%D0%B0%D1%80%D0%BC%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BF%D1%83%D1%81_\(%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%8F](https://ru.wikipedia.org/wiki/3-%D0%B9_%D0%B0%D1%80%D0%BC%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BF%D1%83%D1%81_(%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%8F). Дата обращения: 26.12.2016). А вот полковник Виктор Егорович «Норд» (О.М. Меницкая дает его фамилию почему-то в кавычках, точно какую-то кличку. [См.: 2, с. 62]) – совершенно реально существовавший персонаж. На лето 1892 г. он как раз и командовал 9-м драгунским Елизаветградским полком (Подробнее см.: 24, с. 13–14).

(36) Во второй половине XIX в дворянской среде произошло кардинальное изменение взгляда на заключение брака. Характеризуя произошедшую в этой сфере эволюцию, необходимо выделить следующие этапы. Первый – до середины 1860-х гг. – был ознаменован преобладанием брака по сговору, заключаемого при значительном участии родителей, с минимальным учетом личных пристрастий молодых людей, особенно девушек. Во второй период – середина 60 – первая половина 70-х гг. XIX в. – возросла возможность заключения брака по свободному выбору, однако такая возможность нередко использовалась дворянками как средство достижения независимости в рамках фиктивного супружества. Третий период, начальной границей которого является конец 1870-х гг., связан с формированием в дворянской среде идеала супружеского союза, основанного исключительно на свободном выборе и чувстве любви. В конце века недовольные выбором детей (как и отец – мемуаристы) родители все что могли сделать – это пытаться отговорить молодых от брака, наконец страдать, лить слезы, но вынуждены были соглашаться с желанием детей (даже дочерей) [См.: 7].

(37–38) К середине 80-х гг. XIX в. практически все дворянские дети появлялись на свет дома (в усадьбе), но при помощи квалифицированных специалистов. В большинстве своем это были дипломированные повивальные бабки и акушерки, и очень редко, и только в крупных городах – врачи. Как правило, акушерка заранее приезжала в усадьбу и оставалась в ней в течение недели-двух после родов. В городе с акушеркой договаривались заранее, но приглашали в дом уже при начавшихся родах. Она находилась в семье день-два, а затем ежедневно навещала своих подопечных 2–3 недели. Доктора, обычно, вызывали только в особо сложных случаях. Наиболее обеспеченные столичные дворяне приглашали и акушерку и врача, при этом если первая находилась при роженице несколько дней, то второй – не более 3–4 часов. К концу XIX столетия в дворянской среде сформировалось твердое убеждение в необходимости *личного* участия родителей, особенно матерей, в вскармливании младенцев и уходе за ними. Вскармливание материнским молоком однозначно воспринималось как один из важнейших факторов жизни новорожденного, позволяющий устанавливать «тесную связь матери с ребенком». Поэтому кормилица могла быть взята только в том случае, если состояние здоровья матери внушало опасение. Наличие же в семье няни не снимало с дворянки-матери признаваемой обществом обязанности самой мыть, пеленать, кормить и т. д. своего ребенка [См. 8; 25–26].

(39) Проблема прислуги является обязательной темой дневников и, как видим, воспоминаний дворянок. Хозяйки находились в постоянном поиске «хорошего» варианта. Главное противоречие заключалось в том, что умелая прислуга стоила дорого и предпочитала работать по узкой специальности, т. е. либо няней, либо кухаркой, либо горничной и отказывалась совмещать эти функции. Дешевая же ничего особо не умела, требовала постоянного надзора и помощи, но ее можно было подключать ко всем домашним делам. Мемуаристка использовала второй

вариант причем, так как поскольку она сама привезла прислугу в Петербург, то могла платить ей меньше, чем если бы наняла деревенскую неумеху в самой столице империи. На конец XIX столетия в крупных городах страны только что пришедшая из деревни прислуга брала за свой труд – ок. 6 р. в месяц, опытная кухарка – до 12 р., а няня, взятая к нескольким разновозрастным детям – до 20 р. [См.: 17].

(40) В последней трети XIX – начале XX в. в российском обществе широко обсуждалась «эпидемия» сифилиса, охватившая русскую деревню. Волновали и другие широко распространенные среди населения болезни – малокровие, чахотка, инфекции. Это обстоятельство стало важным фактором отказа дворян от кормилиц. Опасаясь заразить всю семью и навредить ребенку, родители были вынуждены тщательно освидетельствовать каждую претендентку, и поиски подходящей кандидатуры могли затянуться на месяцы. Поэтому в случае, когда врачи запрещали матери кормить самой, многие дворяне предпочитали не тратить время, силы и деньги на поиски подходящей кормилицы (даже если семья была вполне обеспеченной), а применяли искусственное вскармливание, используя либо кипяченое, стерилизованное или пастеризованное коровье (козье) молоко, либо – с 90-х гг. XIX в. – специальные питательные смеси [См.: 15; 26–27].

(41) *Иосиф Иванович Меницкий* окончил АГШ в 1897 г., по 1-му разряду (Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 7. Оп. 2. Д. 8. Л. 16; Список лиц с высшим общим военным образованием. М., 1923. С. 146; Картотека *Лихотворика А.А. Меницкий Иосиф Болеславович-Иванович*. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=929>. Дата обращения: 26.12.2016), однако к Генштабу причислен не был. По крайней мере, его фамилии в списках Генштаба, составленных на 1914 и 1917 гг., нет. По окончании АГШ И. Меницкий, получивший чин капитана за отличие по службе, состоял при штабе Виленского военного округа [28, с. 96; Картотека *Лихотворика А.А. Меницкий Иосиф Болеславович-Иванович*].

(42) *Иванов Владимир Степанович* – род. 25 июня 1870 г. в г. С.-Петербурге. В 1890 г. окончил Николаевское инженерное училище, а в 1897 г. – АГШ с последующим причислением к Генштабу. По окончании академии состоял при штабе Виленского военного округа. В «добольшевицкой» армии дослужился до генерал-квартирмейстера штаба 6-й армии (Северный фронт), генерал-майор. После развала бывшей императорской армии В. С. Иванов последовательно сменил трех «хозяев» (украинская гетманская армия П. П. Скоропадского, «белые» Вооруженные силы Юга России и даже – армянская национальная армия) пока, наконец, не оказался в большевицком лагере. Не позднее 16 марта 1922 г. он занимал в Красной армии должность частного преподавателя 13-х Бакинских пехотных командных курсов. На 18 июля 1914 г. – женат, имел двоих детей [См.: (29, с. 311; 5, с. 59; 31, с. 521). В справочнике В.В. Каминского, одного из авторов настоящей публикации, будет представлена значительно более подробная биография В.С. Иванова].

(43) *Вальтер Ричард-Кирилл Францевич* – род. 15 октября 1870 г. Окончил Александровский кадетский корпус и Николаевское инженерное училище (последнее – в 1891 г.). В 1897 г. окончил АГШ по 1-му разряду. Участник Первой мировой войны, во время которой был награжден Георгиевским оружием. В «добольшевицкой» армии дослужился до начальника штаба армий Западного фронта, генерал-лейтенант. Успел послужить и большевицкому режиму: приказом Наркомата по военным делам от 16 апреля 1918 г. за № 272 он был назначен военным агентом в Берлине. В мае-июне 1918 г. – член Советской дипломатической миссии в Германии. На конец лета – 6 сентября 1918 г. – военный агент большеви-

ков в Германии; «остаётся как командированный существующим (т. е. ленинским – В.К.) правительством». Служил в армии А.В. Колчака, однако подробностей такой службы не обнаружены. С крахом «колчаковщины» эмигрировал в Шанхай. Скончался в Шанхае в январе 1945 г. На 18 июля 1914 г. был женат, имел троих детей [См.: 32, Л. 67; 33, Л. 111; 34, с. 244; 35, с. 31; 36, с. 26; 29, с. 248; 30, с. 33; Картотека *Лихотворика* А.А. Вальтер Ричард-Кирилл Францевич. – URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=993>. Дата обращения: 26.12.2016]. В справочнике В.В. Каминского, одного из авторов настоящей публикации, биография Р.-К. Ф. Вальтера будет представлена более подробно].

(44) Использование денщиков в качестве домашней прислуги было широко распространено в русской армии второй половины XIX – начала XX в. Вопрос о недопустимости превращения нижних чинов в бесплатных нянек, кухарок и горничных (женские названия домашней прислуги должны были дополнительно подчеркнуть то унижительное положение, в котором оказывались солдаты, вынужденные прислуживать в домах офицеров) постоянно обсуждался в «демократической» печати. Эта тема активно использовалась для дискредитации офицерского корпуса и армии в целом, особенно в период первой русской революции [См.: 37–38].

(45) К началу XX в. не только самостоятельное вскармливание, личное участие в уходе за маленькими детьми и подготовка к школе дошкольников, но и умение самой приготовить кушанья на различный случай становится широко поддерживаемым и одобряемым обществом качеством замужней дворянки. Гигантскими тиражами выходят кулинарные книги. То, что для тысяч обедневших представительниц привилегированного сословия являлось вынужденной реальностью, преподносилось в общественном мнении как добровольный выбор каждой «достойной жены и матери». Поддавшись общему ажиотажу, даже вполне обеспеченные дворянки проводили часы на кухне, осуществляя свои кулинарные эксперименты с тем, чтобы несколько раз в месяц поразить своих гостей невероятными блюдами собственного приготовления. Характерно при этом, что девушек не готовили ни к обязанности матери, ни к обязанности хозяйки, и они должны были осваивать все необходимые в домашнем быту знания уже после выхода замуж, преимущественно используя специализированную литературу, популярные курсы по домоводству и советы более опытных подруг [См.: 39].

(46) Возможно, имеется в виду *Константин Прокофьевич Отрыганьев* – род. 5 апреля 1861 г. В 1882 г. окончил Тифлисское военное училище. С 1 апреля 1894 г. – ст. адъютант штаба 41-й пех. дивизии; на указ. срок – поручик или штабс-капитан. 16 марта 1915 г. умер от ран в германском госпитале в г. Гольдап. Посмертно высочайшим приказом от 10 июня 1915 г. награжден Георгиевским оружием и производством в чин генерал-майора – 5 августа 1917 г.). На 1903 г. штаб 41-й пех. дивизии располагался в г. Витебске (Вильновский военный округ), где и проживало семейство Меницких. Однако о замещении К.П. Отрыганьевым к.-л. хозяйственной должности в указанном штабе ничего неизвестно [Картотека *Лихотворика* А.А. Отрыганьев Константин Прокофьевич. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=2909> 41-я пех. дивизия. Россия. – URL: <http://bsenc.ru/274/983718-41-ya-pehotnaya-diviziya-rossiya.html>. Дата обращения: 26.12.2016].

(47) *Александр Прохорович Шевцов* (1853–1918) во время Русско-японской войны (1904–1905 гг.) будучи в чине генерал-лейтенанта, командовал 30-й пехотной дивизией, в которой на то же время должность начальника штаба занимал супруг О.М. Меницкой – И.И. Меницкий [Картотека *Лихотворика* А.А. Меницкий Иосиф Иванович; Первая мировая война. 30-я пехотная дивизия (Россия). – URL: <http://nutidig.ru/w/30-ya-pehotnaya-diviziya-rossiya>. Дата обращения: 26.12.2016].

(48) С 16 июля по 28 сентября 1904 г. И.И. Меницкий занимал должность начальника штаба 2-го окружного отдельного корпуса пограничной стражи [Карто-тека *Лихотворика А.А.* Меницкий Иосиф Иванович].

Список литературы

1. Каминский В.В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб.: Алетейя, 2011. – 736 с.
2. Тетрадь воспоминаний Ольги Михайловны Меницкой (Зоммар) // Личный архив семьи Меницких.
3. Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. – М.: Весь мир, 2000. – 294 с.
4. Дутов Н.В. Которосльская набережная // Губернский город. – 2011. – Окт.
5. Список Генерального Штаба (исправлен по 3-е января с приложением изменений по 8 февраля 1917 г.). – Пг., 1917.
6. Вахромеева О.Б. Духовное пространство Университета. Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.): Исследования и материалы: моногр. – СПб.: Диада-СПб, 2003. – 352 с.
7. Верременко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Европейский дом, 2009. – 684 с., илл.
8. Верременко В.А. Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т. 4. История. – № 3. – С. 18–31.
9. Казимир А.Ф. Об отношениях супругов по имуществу. – СПб.: Тип. М-ва путей сообщения (А. Бенке), 1884. – 78 с.
10. Оршанский И.Г. Исследование по русскому праву семейному и наследственному. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К, 1877. – 499 с.
11. Победоносцев К. Курс гражданского права. Ч. 2. – СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1875. – [4], X, 687 с.
12. Синайский В.И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. – Юрьев: Тип. К. Маттисен, 1910. – XII, 352 с.
13. Шменин Э. Личные и имущественные отношения супругов // Журн. гражданского и уголовного права. – 1893. – № 6. – С. 1–63.
14. Свод Законов Российской империи. Т. X. Законы Гражданские. – СПб.: Тип. Второго отделения С.Е.И.В.К, 1876.
15. Верременко В.А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.). – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – 204 с., илл.
16. Энгельгардт А. Письма из деревни (1872–1887 гг.). – М.: Наука, Рос. академия наук, 1999. – 286 с.
17. Верременко В.А. «Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX в. // Альманах гендерной истории «Адам и Ева». – 2013. (21). – С. 241–273.
18. Верременко В.А. Особенности школьного быта дворян в государственных закрытых учебных заведениях России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестн. Череповец. гос. ун-та. – 2014. – № 8 (61). – С. 33–36.
19. Верременко В.А. Пансионаты в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2015. – № 3. – С. 33–39.
20. Общий Список офицерским чинам Русской Императорской Армии. Составлен по 1 января 1909 г. – СПб., 1909.
21. Залесский К.А. Первая мировая война. Правители и военачальники: биограф. энцикл. слов. – М.: Вече, 2000.

22. О браках офицеров. Действующие статьи кн. VII Св. В.П. 1869 года с последующими дополнениями, объявленными в приказах по Военному Ведомству и цирк. Главн. Штаба. – СПб., 1903.

23. Верременко В.А. Проблемы внебрачных семей офицеров и запасных в России начала XX века // Война и повседневная жизнь населения России XVII – XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): материалы междунар. науч. конф., 14–16 марта 2014 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Верременко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – С. 157–164.

24. Воронов А.В. Ольгины гусары. 3-й Гусарский Елисаветградский Ея Императорского Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны Полк. 1764–1864. Страницы полковой истории. – М.: Рейтар, 1999. – 95 с.

25. Верременко В.А. Организация акушерской помощи дворянкам в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2011. – № 3. – С. 138–144.

26. Мицюк Н.А. Рождение матери: субкультура материнства в высших слоях общества индустриальной России. – Смоленск: Смолен. гор. тип., 2015. – 384 с.

27. Энгельштейн Л. Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков / пер. с англ. – М.: Терра, 1996. – 571 с.

28. Список полковникам по старшинству, сост. по 1 марта 1914 г. с указанием главнейших перемен по прибыли и убыли полковников, происшедшие за время печатания списка с 1 марта по 15 июля 1914 г. – Петроград, 1914.

29. Список Генерального Штаба, исправлен по 1 июня 1914 г. с приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г. – Петроград, 1914.

30. Список лиц с высшим общим военным образованием состоящих на службе в рабоче-крестьянской Красной Армии: сост. по данным к 1-му марта 1923 г. [Л.], [1923]. – 261 с.

31. Тинченко Я.Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921 рр.). Кн. 1. Київ, 2007.

32. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 11. Оп. 6. Д. 96.

33. РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125.

34. Алексеев М.А. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. I. М., 1998. – 398 с.

35. Высочайшие приказы о чинах военных. 1916 г. 26 марта.

36. Высочайшие приказы о чинах военных. 1916 г. 7 ноября.

37. Пельмен (Завьялов А.) Среди военных (Дневник). – СПб.: Вперед, 1907. – 32 с.

38. Верременко В.А. Домашняя прислуга в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2013. – Т. 4. История. – № 1. – С. 181–191.

39. Верременко В.А. Хозяйка на кухне: адаптационные практики в жизни российской дворянской семьи во второй половине XIX – начале XX в. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-ию Русской революции 1917 г.): сб. материалов междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Верременко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. – С. 315–323.

References

1. Kaminskij V.V. Vypuskniki Nikolaevskoj Akademii General'nogo Shtaba na sluzhbe v Krasnoj Armii [The graduates of the Nicholas Academy of the General Staff serving in the red Army]. – SPb.: Aletejya, 2011. – 736 s.

2. Tetrad' vospominanij Ol'gi Mihajlovny Menickoj (Zommar) [Notebook memoirs of Olga Mikhaylovna Minicoy (Sommer)] // Lichnyj arhiv sem'i Menickih [Personal archive of a family Menisci].
3. Tosh Dzh. Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika [The pursuit of truth. How to master the art historian]. – M.: Ves' mir, 2000. – 294 s.
4. Dutov N.V. Kotorosl'naya naberezhnaya [Kotorosl'naya Naberezhnaya] // Gubernskij gorod [Provincial city]. – 2011. – Oktyabr'.
5. Spisok General'nogo SHtaba (ispravlen po 3-e yanvaryu s prilozheniem izmenenij po 8 fevralya 1917 g.) [A list of the General Staff (fixed on the 3rd of January with app of the changes on 8 Feb 1917)]. – Petrograd, 1917.
6. Vahromeeva O.B. Duhovnoe prostranstvo Universiteta. Vysshie zhenskie (Bestuzhevskie) kursy (1878–1918 gg.): Issledovaniya i materialy. (Monografiya) [The spiritual space of the University. Higher women's (Bestuzhev) courses (1878–1918.): Studies and materials. (Monograph)]. – SPb.: Diada-SPb, 2003. – 352 s.
7. Veremenko V.A. Dvoryanskaya sem'ya i gosudarstvennaya politika Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.). 2-e Izd., ispr. i dopoln. [Noble family and the state policy of Russia (second half XIX – beginning of XX centuries). Ed 2-e., ISPR. and more.]. – SPb.: Izd-vo «Evropejskij dom», 2009. – 684 s., ill.
8. Veremenko V.A. Uhod za det'mi rannego vozrasta v dvoryanskijh sem'yah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Care of infants in noble families in Russia in second half XIX – early XX centuries] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina [Vestnik Pushkin Leningrad State University]. – 2012. – T. 4. Istorija. № 3. – S. 18–31.
9. Kazimir A.F. Ob otnosheniyah suprugov po imushchestvu [About the relationship of the spouses on property]. – SPb.: tip. M-va put. soobshch. (A. Benke), 1884. – 78 s.
10. Orshanskij I.G. Issledovanie po russkomu pravu semejnemu i nasledstvennomu [The study of Russian law of family and inheritance]. – SPb.: tip. V. Bezobrazova i K, 1877. – 499 s.
11. Pobedonoscev K. Kurs grazhdanskogo prava [The course of civil rights]. CH. 2. – SPb.: tip. M-va put. soobshch., 1875. – [4], X, 687 s.
12. Sinajskij V.I. Lichnoe i imushchestvennoe polozhenie zamuzhnej zhenshchiny v grazhdanskom prave [Personal and property situation of married women in civil law]. YUr'ev: Tip. K. Mattisen, 1910. – XII, 352 s.
13. SHmenin EH. Lichnye i imushchestvennye otnosheniya suprugov [Personal and property relations of spouses] // ZHurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava [Magazine of civil and criminal law]. – 1893. – № 6. – S. 1–63.
14. Svod Zakonov Rossijskoj imperii [The code of Laws of the Russian Empire]. T. X. Zakony Grazhdanskie. – SPb.: Tip. Vtorogo otdelenii S.E.I.V.K, 1876.
15. Veremenko V.A. Deti v dvoryanskijh sem'yah Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Children in noble families of Russia (second half XIX–beginning of XX centuries)]. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2015. – 204 s., ill.
16. EHngel'gardt A. Pis'ma iz derevni (1872–1887 gg.) [Letters from the village (1872–1887 gg.)]. – M.: Nauka, Rossijskaya akademiya nauk, 1999. – 286 s.
17. Veremenko V.A. «Dura v dome» – zhenskaya domashnyaya prisluga v dvoryanskijh sem'yah Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. [Fool in the house" – female domestic servants in noble families of Russia second half of XIX – early XX centuries] // Al'manah gendernoj istorii «Adam i Eva» [Anthology of gender history "Adam and eve"]. – 2013. (21). – S. 241–273.
18. Veremenko V.A. Osobennosti shkol'nogo byta dvoryan v gosudarstvennyh zakrytyh uchebnyh zavedeniyah Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Fea-

tures a school life of nobles in the state of closed educational institutions of Russia (second half XIX – beginning of XX centuries) // [Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta Bulletin of Cherepovets state University]. – 2014. – № 8 (61). – S. 33–36.

19. Veremenko V.A. Pansiony v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Pensions in Russia in second half XIX – early XX centuries] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina [Vestnik Pushkin Leningrad State University]. – 2015. – № 3. – S. 33–39.

20. Obshchij Spisok oficerskim chinam Russkoj Imperatorskoj Armii. Sostavlen po 1 yanvarya 1909 g. [General List officer ranks of the Russian Imperial Army. Compiled on January 1, 1909]. – SPb., 1909.

21. Zaleskij K.A. Pervaya Mirovaya vojna. Praviteli i voenachal'niki [The first World war. Rulers and warlords]. – M., 2000.

22. O brakah oficerov. Dejstvuyushchie stat'i kn. VII Sv. V.P. 1869 goda s posleduyushchimi dopolneniyami, ob'yavlennymi v prikazah po Voennomu Vedomstvu i cirk. Glavn. SHtaba [About marriage officers. Existing articles vol. SV VII. V. P. 1869 with later additions, announced in orders by the war Department and the circus. Main. Staff]. – SPb., 1903.

23. Veremenko V.A. Problemy vnebrachnyh semej oficerov i zapasnyh v Rossii nachala XX veka [Problems of non-marital families of officers and replacement in Russia of the early twentieth century] // Vojna i povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii XVII – XIX vv. (k stoletiyu nachala Pervoj mirovoj vojny): materialy mezhdunar. nauch. konf., 14–16 marta 2014 g. [War and everyday life of the population of Russia XVII–XX centuries (to the centenary of the First world war): proceedings of the international. scientific. Conf. March 14–16, 2014] / pod obshch. red. prof. V.N. Skvorcova; otv. red. V.A. Veremenko. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2014. – S. 157–164.

24. Voronov A.V. Ol'giny gusary. 3-j Gusarskij Elisavetgradskij Eya Imperatorskogo Vysochestva Velikoj Knyazhny Ol'gi Nikolaevny Polk. 1764–1864. Stranicy polkovoj istorii [Olgeni hussars. 3rd Elisavetgrad hussar Her Imperial Highness Grand Duchess Olga Nikolaevna Regiment. 1764–1864. Page regimental history]. – M.: Rejtar, 1999. – 95 s.

25. Veremenko V.A. Organizaciya akusherskoj pomoshchi dvoryankam v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Organization of obstetrical care the noblewomen in Russia in second half XIX – early XX centuries] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina [Vestnik Pushkin Leningrad State University]. – 2011. – № 3. – S. 138–144.

26. Micyuk N.A. Rozhdenie materi: subkul'tura materinstva v vysshih sloyah obshchestva industrial'noj Rossii [Birth mother: the subculture of motherhood in the higher strata of society of industrial Russia]. Smolensk: Smolenskaya gorodskaya tipografiya, 2015. – 384 s.

27. Engelstein L. Klyuchi schast'ya: Seks i poiski putej obnovleniya Rossii na rubezhe XIX–XX vekov. [Keys to Happiness: sex and the search for ways of updating of Russia in the XIX – XX centuries] [Per. s angl.]. – M.: Izd. centr "Terra", 1996. – 571 s.

28. Spisok polkovnikom po starshinstvu, sost. po 1 marta 1914 g. s ukazaniem glavnejshih peremen po pribyli i ubyli polkovnikov, proissjedshie za vremya pechataniya spiska s 1 marta po 15 iyulya 1914 g. [The list of colonels by seniority, comp. on March 1, 1914, indicating major changes on profit and loss of the colonels that occurred during the printing of the list from March 1 to July 15, 1914]. – Petrograd, 1914.

29. Spisok General'nogo SHtaba, ispravlen po 1 iyunya 1914 g. s prilozheniem izmenenij, ob'yavlennyh v Vysochajshih prikazah po 18 iyulya 1914 g. [A list of the General Staff, fixed June 1, 1914, with the application of the changes announced in the Higher orders on 18 July 1914]. – Petrograd, 1914.

30. Spisok lic s vysshim obshchim voennym obrazovaniem sostoyashchih na sluzhbe v raboche-krest'yanskoj Krasnoj Armii: Sost. po dannym k 1-mu marta 1923 g. [The list of people with the highest General military education in the service worker-peasant red Army]. according to the 1st March 1923] [L.], [1923]. – 261 s.
31. Tinchenko YA.YU. Officers'kij Korpus Armii Ukrains'koi Narodnoi Respubliki (1917–1921 rr.) [The officer Corps of the Ukrainian Army Narodno Republic (1917–1921)] Kn. 1. Kiiv, 2007.
32. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA) [Russian state military archive]. F. 11. Op. 6. D. 96.
33. RGVA. F. 11. Op. 6. D. 125.
34. Alekseev M.A. Voennaya razvedka Rossii ot Ryurika do Nikolaya II [Military intelligence of Russia from Rurik to Nicholas II]. Kn. I. M., 1998. – 398 s.
35. Vysochajshie prikazy o chinah voennyh [The highest orders on ranks of the military]. 1916 g. 26 marta.
36. Vysochajshie prikazy o chinah voennyh [The highest orders on ranks of the military]. 1916 g. 7 noyabrya.
37. Pel'men (Zav'yalov A.) Sredi voennyh (Dnevnik) [Among the military (Diary)]. – SPb.: Vpered, 1907. – 32 s.
38. Veremenko V.A. Domashnyaya prisluga v dvoryanskih sem'yah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Domestics in the noble families of Russia in second half XIX – early XX century] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. – 2013. – T. 4. Istorija. № 1. – S. 181–191.
39. Veremenko V.A. Hozyajka na kuhne: adaptacionnye praktiki v zhizni rossijskoj dvoryanskoj sem'i vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [The hostess in the kitchen: adaptation practices in the life of Russian noble families in the second half of XIX – early XX centuries] // EHkstremal'noe v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (k 100-iyu Russkoj revolyucii 1917 g.). Sb. mater. mezhdunar. nauch. konf. [The Extreme in the everyday life of the population of Russia: history and modernity (100-UW Russian revolution of 1917). SB. mater. Intern. scientific. Conf.] / pod obshch. red. prof. V.N. Skvorcova, otv. red. V.A. Veremenko. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2017. – S. 315–323.